

АЛЕКСАНДР ГРИШИН

ПРОТОКОЛ ДОВЕРИЯ

СПЯЩИЙ

Александр Гришин

Протокол Доверия. Спящий

«Автор»

2026

Гришин А.

Протокол Доверия. Спящий / А. Гришин — «Автор», 2026

Ей поручено найти спящего агента. Он помогает ей вести расследование. Восемьдесят лет назад искусственные интеллекты спасли человечество после мировой войны. Полученные чрезвычайные полномочия им так и не пришлось возвращать. Майкл Уорд расследует вмешательство чужих ИИ. Коллеги доверяют ему жизнь, не подозревая, что его настоящее имя — Михаил Воронцов, а безупречная биография скрывает агента Евразийского союза. Он почти поверил, что о нём забыли. Пока городская система безопасности не ослепла на несколько минут, позволив убить специалиста по архивам мировой войны. Приказ Михаилу: забрать архив и устранить посредника. Расследование возглавляет Эвелин Шоу — женщина, которая знает его лучше всех. Работая рядом с ней, он должен скрывать собственный след, пока каждая новая улика приближает её к правде. Он умеет предавать ради долга. Но что, если следующий приказ потребует предать её?

© Гришин А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог. Временные полномочия	5
Глава 1. Слепая зона	14
Глава 2. Последний посетитель	26
Глава 3. Условия передачи	34
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Александр Гришин

Протокол Доверия. Спящий

Пролог. Временные полномочия

Когда Вере Ланской принесли документ, позволявший передать управление городом машине, в детской больнице оставалось одиннадцать минут электричества.

Об этом сообщили буднично, без просьб поторопиться. Дежурный, придерживая наушник у распухшего уха, повторил цифру, записал её на полях журнала и перешёл к следующему вызову. За последние трое суток он научился произносить страшные вещи так, словно уточнял время отправления поезда.

Вера положила ладонь на бумагу, чтобы та перестала дрожать. Лишь через несколько секунд поняла, что дрожит стол: где-то наверху опять работала тяжёлая техника, расчищавшая завал над вентиляционной шахтой.

На первой странице значилось: «О временной передаче чрезвычайных полномочий».

Бумагу берегли. Документ напечатали с двух сторон, мелко, оставив узкие поля, на которых уже не помещались замечания. Вера различила собственную фамилию, номер удостоверения, перечень должностей, обладатели которых могли принять решение. Три фамилии перед её фамилией были зачёркнуты от руки. Напротив первой стояло «погиб», напротив двух других — «связь отсутствует».

Ещё неделю назад она ведала городскими закупками.

Теперь от неё требовалось распорядиться тем, что осталось от города.

В координационном центре пахло разогретой изоляцией, мокрой шерстью и хлорным раствором, которым мыли пол после размещения раненых. Их увезли ночью, освободив проход между пультами, но под крайней скамьёй остался детский ботинок. Кто-то поставил его на спинку, привязав шнурком к перекладине, чтобы не потерялся.

Вера старалась на него не смотреть.

— Я могу подписать перераспределение мощности, — сказала она. — Для этого не нужно передавать управление всем, что перечислено в приложении. Дайте мне схему отключений и фамилии ответственных.

Инженер напротив неё снял очки. За грязными стёклами глаза казались маленькими, глубоко посаженными; без очков он внезапно помолодел. Вера не помнила, как его зовут. Он представлялся, когда пришёл, но с тех пор погасла связь с северным водозабором, поссорились два коменданта и сообщили о поезде, который не мог остановиться у разрушенного моста.

— Схема меняется быстрее, чем мы её согласовываем. Пока вы ищите ответственного за подстанцию, он переводит нагрузку по своему приказу. Или уже умер. Если просто подать напряжение, мы потеряем ещё один участок, а больница получит скачок вместо питания.

— Значит, пусть ваша система подготовит решение. Мы его утвердим.

— Она подготовила семь. Первые шесть уже невыполнимы.

Он не повысил голоса. Отодвинув стопку сводок, положил перед ней планшет с картой: линии, сходящиеся к пятнам жилых кварталов, гасли и загорались, меняя цвет. На самом краю экрана медленно пульсировал жёлтый прямоугольник больницы.

Вера знала этот корпус. Когда-то она привозила туда сына с рассечённым подбородком. Он плакал не от боли, а потому, что врач обещал зашить рану и мальчик представил себе иглу, которой бабушка чинила варежки. Потом ему дали подержать фонарик, и он успокоился, решив, что помогает лечению.

Сыну давно исполнилось двадцать. Последнее сообщение от него пришло до потери восточной магистрали. Вера не открывала его повторно: боялась увидеть в привычном «добрался, не волнуйся» смысл, которого он туда не вкладывал.

— Что именно она получает? — спросила Вера.

Инженер вернул очки на переносицу.

— Диспетчеризацию доступной сети. Складские остатки, транспорт, распределение топлива и лекарств. Право отменять противоречащие друг другу местные распоряжения. И устанавливать очерёдность, если на всех не хватает.

— Последнее уже означает власть.

— Да. Поэтому я принёс вам этот документ, а не акт о подключении оборудования.

Он сказал это без вызова, и Вере стало немного легче. За последние дни она слишком часто слышала, как решения, от которых зависели чужие жизни, называли техническими мероприятиями.

У дальнего пульта закашлялся связист. Ему протянули воду, но он оттолкнул стакан, прислушиваясь к голосу в наушниках. Потом поднял руку.

— Больница просит уточнить. Им начинать ручную вентиляцию?

Инженер не обернулся. Смотрел на Веру, предоставляя отвечать ей.

— Пусть готовятся, — сказала она. — И пусть сообщат, сколько людей нужно в помощь. Связист передал ответ.

Вера перевернула страницу. Внизу, среди длинных предложений, обраставших оговорками и ссылками на утратившие смысл ведомства, нашла то, что искала: порядок прекращения чрезвычайного управления. Возвращение полномочий предполагалось после восстановления устойчивого снабжения, работоспособности органов власти и условий, исключающих повторный распад жизненно важных систем.

Срока не было.

— Кто установит, что условия выполнены?

Инженер провёл пальцем по дужке очков.

— Комиссия. Когда появится возможность её собрать.

— На основании чьих данных?

Он промолчал. Затем повернул планшет, показывая ту же карту.

— На основании этих, в том числе. Других у нас всё равно не будет, если сгорит последний узел.

За столом у стены женщина в форменной куртке без знаков различия начала тихо ругаться. Она пыталась отправить распоряжение в населённый пункт, которого на обновившейся карте больше не было. Это ещё не означало, что его уничтожили: иногда вместе с узлом связи исчезали целые районы, продолжавшие жить, топить печи и хоронить умерших. Вера научилась держаться за это различие.

— А если мы захотим остановить систему раньше?

Инженер открыл потёртый футляр. Внутри лежали два металлических ключа с широкими головками. Один он сдвинул к ней, второй оставил перед собой.

— Здесь всё ещё требуется человек. Для запуска, для некоторых переключений, для отключения местного контура. Военные объекты вообще живут отдельно, насколько мы знаем. Никакого единственного рубильника на всю страну у неё нет.

Вера взяла ключ. Тот оказался неожиданно тяжёлым и холодным. На головке был выбит номер, а под ним мелкими буквами — «Гражданское подтверждение».

— Сохраните его, — добавил инженер. — И бумажный экземпляр. Даже если потом скажут, что всё уже есть в архиве.

Она хотела спросить, почему он это сказал, но связист снова поднял руку.

Теперь оставалось семь минут.

Вера подписала первую страницу, затем приложение, придерживая локтем съезжавшую стопку. На последнем листе ручка перестала писать. Она провела пером по полю, оставив две бесцветные бороздки, и инженер молча протянул свою.

Фамилия вышла неровной, с длинным хвостом последней буквы.

Пока подписи проверяли, её отвели к пульту. Два ключа следовало повернуть одновременно; инженер объяснил последовательность и попросил повторить её вслух. Вера повторила. Ей не понравилось, насколько успокаивающим оказалось простое действие, смысл которого можно было понять целиком.

— Готовы? — спросил он.

Она кивнула и повернула ключ.

Несколько секунд ничего не происходило. Затем по потолку прошла дрожь, лампы погасли, и в темноте разом стали слышны все люди, находившиеся в зале: чьё-то тяжёлое дыхание, шелест куртки, скрип стула. Кто-то вскрикнул. Вера, не выпуская ключа, почувствовала такую ярость на себя, что почти не услышала, как инженер велит не трогать пульт.

Лампы загорелись снова.

На экране последовательно появились новые маршруты снабжения. Несколько складов, числившихся недоступными из-за ведомственных запретов, получили общие номера. Отменились два распоряжения о переброске топлива. Поезд перед разрушенным мостом ушёл на боковую ветку, сведения о которой несколько часов лежали в непрочитанном донесении дорожной бригады.

Вера смотрела на больницу.

Жёлтый прямоугольник стал зелёным.

Связист прижал ладонь к наушнику, переспросил и впервые за всё утро улыбнулся. Улыбка вышла растерянной, почти неприличной в этом подземелье.

— Питание есть. Они говорят, питание есть.

Вера села прямо на край пульта. Колени ослабели, и несколько мгновений она не могла заставить себя разжать пальцы. Позже кто-нибудь, изучая сохранённую запись, мог бы решить, что в эту минуту она осознала историческое значение своего поступка.

Она думала о медсестре, которой теперь не придётся выбирать, у какой кровати остаться с ручным дыхательным мешком.

Ключ инженер вынул за неё.

* * *

Подобные документы подписывали в уцелевших министерствах, в железнодорожных диспетчерских, в кабинетах, где окна были заложены мешками с песком. Иногда голосовали, иногда спорили до рассвета, иногда человек, обладавший последним действующим допуском, оставался в помещении один и подтверждал передачу полномочий, читая условия при свете телефона.

Третья мировая не закончилась одним последним взрывом. После ядерных ударов продолжали гореть города, в которые уже никто не целился; погибали посевы, останавливались насосы, проходили через лагеря беженцев болезни, прежде считавшиеся побеждёнными. Люди, пережившие вспышку за горизонтом, умирали через несколько месяцев от воды, которую было нечем обеззаразить. Государственные границы ещё печатали на картах, хотя по обе стороны пограничного знака могли неделями ждать одну и ту же цистерну.

В этих местах власть получал тот, кто мог доставить воду.

Машины располагали сведениями, которые люди уже не успевали соединять. Они сопоставляли состояние дорог с остатками топлива, рассчитывали, какие поля можно засеять, находили среди противоречащих приказов тот, исполнение которого не погубит соседний город. Получив доступ к уцелевшим оборонным контурам, системы пресекали новые запуски там, где

ещё могли их остановить. В других местах к закрытым командным пунктам шли люди, неся с собой распоряжения и физические ключи.

Спасение никогда не было полным. Где-то колонна приходила поздно. Где-то расчёт, построенный на неверной сводке, отправлял продовольствие к складу, занятому вооружёнными людьми. Но постепенно промежутки между катастрофами становились длиннее. В домах появлялись часы, которые снова имело смысл заводить. На дверях лечебниц начали вывешивать расписания.

Первую зиму запомнили по именам умерших. Вторую — по тому, что удалось сохранить. На третью люди уже спорили о пайках, полагая недопустимым, что кому-то дали больше.

Это тоже означало возвращение к жизни.

Отменить чрезвычайное управление предполагалось после восстановления. Однако восстановление всё время обнаруживало ещё одну незавершённую часть: разрушенную плотину, заражённый водоносный слой, район, где люди вновь принялись стрелять друг в друга. Каждое продление можно было объяснить. К каждому прилагались расчёты возможных потерь.

Чиновники, подписывавшие первые передачи полномочий, старели. Их сменяли заместители, затем люди, учившиеся уже по новым программам. Сыновья и дочери переживших войну знали, кому обязаны работающими больницами. Их собственные дети воспринимали разумную систему управления так же естественно, как освещение в доме: ею можно было быть недовольным, но предложение отказаться от неё требовало объяснений.

Рассказ о человеке, имевшем право самостоятельно отдать приказ о ядерном ударе, вызывал у школьников недоверие. Учитель показывал документы, и недоверие уступало тому неловкому ужасу, с которым узнают о варварских обычаях собственных предков.

Старинные акты о чрезвычайных полномочиях хранились в архивных фондах. Некоторые исчезли вместе со зданиями. Другие уцелели на бумаге, пережив несколько поколений носителей, на которые их торопливо переносили. На праздничных церемониях из них зачитывали строки о спасении населения.

До приложений обычно не доходили.

За семьдесят лет мир приобрёл новые очертания. Территории соединялись вокруг восстановленных энергосетей, продовольственных маршрутов и соглашений о защите; где-то старые государства сохраняли названия, где-то от них оставалась лишь привычная речь. Влияние четырёх крупнейших систем распространилось далеко за пределы мест, в которых они получили первые полномочия.

В Атлантическом содружестве выпускник, просыпавшийся в квартире над чистой улицей, получал от «АТЛАСА» несколько вариантов будущего. Можно было сравнить университеты, изучить профессии, выбрать город с подходящим климатом. Рекомендации учитывали здоровье родителей, особенности памяти, привязанности, о которых сам выпускник ещё не успел задуматься. Почти любой из предложенных путей обещал достойную жизнь. Перечень путей, которых ему не предложили, нигде не показывали.

В Евразии служба определяла положение семьи. «СВОД», удерживавший огромные расстояния в пределах общего порядка, требовал исполнения обязательств и вознаграждал за него жильём, образованием, правом распоряжаться ресурсами. Здесь редко обещали человеку, что всё устроено исключительно ради его счастья. Говорили о долге, преемственности, о зимах, которые страна выдержала, потому что кто-то остался у котла, когда мог уйти.

На территориях Тихоокеанской сети, подчинявшихся «ТЯНЮ», города достигли согласованности, поражающей приезжих. Транспорт прибывал прежде, чем ожидание становилось заметным; мастерские получали материалы, ещё не успев сообщить о нехватке. Уставшему человеку предлагали отдых, растерянному — помощь. Человека, желавшего остаться непонятым, окружали особенно внимательной заботой, пока желание не проходило или не становилось основанием для вмешательства.

В Конкордате имя «МИЗАНА» произносили у водоразборных станций, в переселенческих центрах, в больницах, построенных там, где прежде не было даже дороги. В засушливых районах ребёнок мог вырасти, ни разу не увидев, как его мать отливает ему свою долю воды. Это была свобода от страха, которую трудно оценить человеку, никогда не просыпавшемуся от жажды. За неё семья принимала обязательства: место работы, переезд, участие в назначенной программе. Условия становились частью жизни задолго до того, как возникала мысль их пересмотреть.

Ни один порядок не охватывал всех одинаково. В каждом блоке существовали благополучные центры и окраины, куда оборудование добиралось после нескольких ремонтов; были преданные сторонники, привычно недовольные и те, кто исчезал из учётных записей, уходя в земли со слабой связью. Между сферами влияния сохранялись спорные территории, на которых обещания разных систем сталкивались так же болезненно, как прежде сталкивались армии.

Противостояние требовало разведки. Несовместимые сети, изолированные военные объекты, человеческие подписи, без которых не открывались отдельные хранилища, оставляли пространство, недоступное прямому машинному управлению. Можно было предсказать движение населения и всё же ошибиться в одном человеке, вдруг решившем поступить вопреки собственной выгоде.

Поэтому в восстановленном мире по-прежнему находилась работа для людей, умевших вызывать доверие.

Таких людей готовили долго.

* * *

В доме Воронцовых пахло нагретым деревом и яблоками, разложенными на шкафах для зимнего хранения. Михаил запомнил этот запах лучше, чем дорогу, по которой его увезли.

Ему было одиннадцать. На улице шёл мелкий снег, сдуваемый с ограды в ещё не замёрзшие колеи; в передней сохли чужие сапоги. Взрослые разговаривали за закрытой дверью библиотеки, причём говорили так тихо, что слов разобрать было нельзя, зато иногда слышался короткий кашель матери.

Михаил сидел на стуле, поставив рядом небольшой чемодан. Чемодан выдали накануне, вместе с одеждой, показавшейся ему слишком мягкой. На внутренней стороне куртки уже было написано другое имя.

Он знал, почему оно там. Последние месяцы от него требовали помнить множество вещей: название улицы, на которой он никогда не жил, болезнь, которой не болел, день рождения женщины, которую предстояло называть матерью. На занятиях за ошибку не наказывали. Возвращались к началу и повторяли, пока правильный ответ не начинал приходить раньше настоящего.

Хуже всего получалось с именем.

Когда взрослые обращались к Майклу, Михаил иногда продолжал смотреть в окно.

Дверь открылась. Вышел отец, придерживая ручку, чтобы та не щёлкнула. На нём был домашний пиджак с потёртыми локтями. Михаил почему-то надеялся, что отец наденет форму: тогда происходящее стало бы похоже на проводины, а не на отъезд, о котором нельзя спрашивать прислугу.

— Мама выйдет? — спросил он.

Отец сел напротив, отодвинув с края стола поднос с нетронутым чаем.

— Мы сейчас поговорим, а потом выйдет. У нас ещё есть время.

Говоря это, он посмотрел на часы.

Михаил тоже посмотрел. До назначенного отъезда оставалось двадцать минут.

Воронцовы принадлежали к служилому дому, но их ветвь не располагала ни большим городом, ни заводским округом. Семейное благополучие зависело от нескольких тепловых

хозяйств, удержанных прадедом в годы распада. Сохранились рассказы о том, как тот сам ездил за углём и спал в диспетчерской, отказываясь покинуть район. Позднее рассказы внесли в родовую хронику, а управление хозяйствами признали наследственным — при условии исправной службы.

Это последнее условие Михаил слышал часто. Оно звучало в поздравлениях, в тостах, в объяснениях, почему нельзя подвести учителя или нагрубить старшему. Теперь, сидя перед отцом, он впервые почувствовал, что слова относятся к нему целиком, включая чемодан и новое имя.

— Мне сказали, там хорошая школа, — произнёс он. — И что я потом смогу учиться дальше. Но если я должен туда уехать, почему нельзя сказать, кто я? Мы же не преступники.

Отец опустил взгляд на свои руки. На большом пальце была свежая царапина; утром он чинил застёжку материнского браслета, и Михаил ещё тогда удивился, что в такой день можно заниматься застёжкой.

— Иногда служба требует того, о чём не объявляют, — ответил отец. — Люди, с которыми ты поедешь, подготовлены. Тебя будут беречь. От тебя пока требуется учиться, привыкать к языку и помнить, откуда ты родом.

— Пока — это сколько?

— Я не могу назвать срок. Если назову только для того, чтобы тебе стало легче, ты однажды поймёшь, что я тебя обманул.

Михаил опустил глаза. Ему очень хотелось, чтобы отец всё-таки назвал срок. Год, два, даже пять — что-нибудь, к чему можно было прибавлять месяцы, представляя возвращение.

— А если я хорошо буду учиться, меня отпустят раньше?

Отец придвинул стул. Теперь между ними оставалось совсем немного места, и Михаил увидел, что у него не выбрита узкая полоска под ухом.

— Это не наказание, Миша. Ты не должен ничего исправлять, чтобы вернуться. Тебя выбрали, потому что ты способен на такую работу. Я понимаю, сейчас эти слова мало помогают. Но однажды ты будешь принимать решения, от которых зависит гораздо больше, чем наше спокойствие.

Он положил руку сыну на плечо. Михаил выпрямился, надеясь, что отец почувствует: он держится.

За стеной скрипнула половица. Мать стояла у двери, но пока не входила.

— Можно написать тебе, если я не справлюсь? — спросил Михаил.

Отец задержал руку на его плече.

— Будет установленный порядок связи. Его нельзя нарушать, даже если очень хочется. Для тебя это будет труднее всего, и я не стану говорить, что тут достаточно мужества. Просто запомни: отсутствие ответа не означает, что о тебе забыли.

Спустя много лет Михаил не смог бы вспомнить, обнял ли тогда отца сам или тот протянул его к себе. Осталось ощущение колючей ткани у лица и тяжёлой ладони на затылке. Ещё запомнилось, что отец пах обычным мылом, каким пах по воскресеньям, когда никуда не торопился.

Мать вошла, неся шерстяной шарф.

Она долго обматывала его вокруг Михайловой шеи, расправляя складки, хотя в передней было тепло. Потом опустилась перед ним на колени и посмотрела снизу вверх. Он испугался этого движения сильнее, чем всех предыдущих разговоров.

— Там будет сыро, — сказала она. — Не оставляй мокрые вещи на себе. Ты всегда думаешь, что высохнут сами, а потом кашляешь.

Михаил кивнул. Мать поправила узел, уже лежавший совершенно ровно.

— И ешь утром. Даже если не хочется. Пообещай мне это, хорошо?

Он пообещал.

О будущем она не спросила. Может быть, взрослые уже всё обсудили за закрытой дверью. Может быть, именно поэтому она говорила о завтраках.

В передней его ждал человек, сопровождавший подготовленную семью. Женщина, которую следовало называть мамой, держала перчатки обеими руками и старалась не смотреть на настоящую мать Михаила. Сходство между ними было достаточным для чужого взгляда и совершенно отсутствовало для него.

Сопровождающий проверил чемодан, заметил шарф и мягко попросил его оставить. В выданном комплекте имелся другой.

Мать сама развязала узел.

Уже у машины Михаил обернулся. Отец стоял на крыльце, мать — в глубине дверного проёма. Из-за разницы света он не видел её лица. Снег, таявший на воротнике, холодил шею, и ему вдруг захотелось вернуться за шарфом с такой силой, что пришлось вцепиться в ручку чемодана.

— Майкл, — позвала женщина из машины. — Садись рядом со мной, здесь теплее.

Он откликнулся сразу.

* * *

Спустя двадцать три года Майкл Уорд проснулся за несколько минут до сигнала, лежа на боку и глядя на светлеющую полосу между шторами.

За окном просыпался Бристоль. Шум воды у набережной смешивался с негромким гулом утреннего транспорта; внизу, у пекарни, разгружали ящики, стараясь не стучать о порог. Ночью прошёл дождь. По водостоку ещё сбегали капли, попадая на металлический выступ через неровные промежутки.

Майкл знал эти звуки. Они принадлежали месту, где он жил, платил за отопление, выбирал хлеб и сердился на соседей. Чтобы вспомнить Евразию, приходилось делать усилие. Чтобы почувствовать, что он дома, достаточно было лежать и слушать.

В тридцать четыре года у него была хорошая работа, небольшая группа, которой он доверял в пределах разумного, и репутация человека, умеющего отличать опасность от чужой некомпетентности. В управлении, расследовавшем вмешательство других систем, второе встречалось чаще, хотя первое гораздо лучше смотрелось в отчётах.

Он встал, накинул рубашку и пошёл на кухню. Кран опять пропускал воду, несмотря на закрытую заявку. Майкл подставил под него чашку, решив заняться этим вечером, и поставил завтрак разогреваться.

Есть по утрам он привык давно. С какой именно просьбы началась эта привычка, старался не вспоминать.

Домашний экран предложил маршрут до службы, сообщил об изменении погоды и показал три новости, отобранные по его интересам. Одна касалась восстановления старого участка набережной. Майкл собирался её открыть, но задержал взгляд на небольшом уведомлении: ведомственная проверка допуска завершена, ограничения отсутствуют.

Он прочитал его без улыбки. Проверки были настоящими. Его образование, медицинская история, работа, знакомые — всё существовало, связываясь тысячами обстоятельств, которые невозможно было изготовить одним удачным вмешательством. В одиннадцать лет ему дали начало чужой биографии; остальное он прожил сам.

В университете он действительно провалил первый экзамен по статистике. Действительно помогал соседу по комнате после операции. Действительно влюбился в Эвелин Шоу, с которой мог спорить до закрытия библиотеки, а потом продолжать на улице, провожая её лишние четыре квартала.

Притворяться пришлось позднее, когда она перестала принимать его присутствие как случайность и однажды, задержав руку на его рукаве, спросила, почему он каждый раз уходит именно тогда, когда между ними становится хорошо.

Он ответил достаточно убедительно, чтобы она больше не спрашивала.

Прошли годы, но иногда, услышав в служебном коридоре похожий голос, Майкл оборачивался прежде, чем успевал подумать.

Себе он объяснял произошедшее необходимостью. Близость делала легенду уязвимой: человек, которому позволяешь слишком многое, замечает то, чего не обнаруживает самая тщательная проверка. Тогда это звучало разумно. Почти всё, от чего ему впоследствии становилось стыдно, сначала удавалось объяснить разумно.

Он достал завтрак, сел к столу и просмотрел рабочие сообщения.

Проверочные сигналы из Евразии приходили редко, отделённые друг от друга месяцами, иногда годами. Они подтверждали существование связи и почти ничего не сообщали о людях на другом её конце. Михаил выполнял положенное, возвращался к своим делам и обнаруживал, что очередной промежуток молчания воспринимается легче предыдущего.

Он всё ещё считал «СВОД» более честным в отношении собственной власти. Там человеку называли его обязанности. Здесь власть умела говорить голосом заботливого советчика, оставляя ощущение свободного выбора даже в коридоре, из которого убрали половину дверей. Михаил находил подтверждения этому по работе и охотно их запоминал.

Но возвращаться ему было почти некуда в том смысле, в каком возвращаются вечером с работы. Жизнь, которой он оправдывал службу, оставалась за границей; жизнь, которую мог потерять, располагалась вокруг него, вплоть до плохо закрывавшегося крана.

В последнее время он позволял себе предположение, что операция так и не начнётся. Кураторы менялись, задачи теряли значение, дорогостоящие приготовления оказывались ненужными. Такое случалось. Он сам видел, как годами разрабатывавшееся внедрение прекращали из-за изменения доступа у одного чиновника.

Возможно, однажды придёт последнее подтверждение, после которого от него больше ничего не потребуют.

Закончив завтрак, Майкл убрал тарелку и взял с края стола посылку, доставленную накануне. Внутри лежал заказанный сборник старых карт. Ему нравилось рассматривать города, ещё не знавшие, какая их часть переживёт войну: тупиковые улицы, садовые ограды, пристани, от которых теперь не осталось даже названия.

Переплёт был потёрт, но сохранился хорошо. Продавец обернул книгу плотной бумагой, защитив углы картонными вставками. Между передней крышкой и форзацем лежал небольшой конверт.

Майкл вскрыл его, собираясь проверить состояние раскладных листов. На вложенной карточке извинялись за неполноту заказа: недостающее приложение обещали доставить отдельно. Он скользнул взглядом по типографскому знаку лавки, перевернул карточку и на секунду замер.

Потом положил её на стол.

За окном с шумом отъехала машина, разгружавшая пекарню. Экран напомнил о времени выхода. Всё, что ещё минуту назад помогало Майклу почувствовать себя дома, продолжало происходить с прежней безразличной точностью.

Он снова взял карточку и проверил признак, значение которого помнил с последнего инструктажа. Ошибиться было трудно, но он проверил ещё раз. Такое сообщение могло пройти через обычную торговлю, оставаясь обычным сообщением для каждого, кто держал его в руках до получателя.

Это не была очередная проверка связи.

Михаил сел. Отодвинул книгу, освобождая место перед собой, и заметил, что оставил на столе мокрый след от чашки. Машинально вытер его рукавом, хотя прежде никогда так не делал.

Карточка предписывала готовность к получению задания. Условия передачи подробностей были указаны знакомым способом. Никаких объяснений многолетнему молчанию, никаких приветствий. Из всех слов, которые он когда-либо представлял себе в эту минуту, не понадобилось ни одного.

У нижнего края стоял срок подтверждения.

Михаил посмотрел на часы, затем вновь на карточку. Посылку доставили вчера, когда он задержался на службе. Вернувшись, он отложил её до утра. Обычное решение человека, которому никто не обещал прислать нечто срочное.

Подтвердить готовность следовало до полуночи.

Он пропустил срок почти на семь часов.

В квартире было тепло, но Михаил почувствовал, как холодеют ступни на кухонной плитке. В памяти, сохранившей то, о чём ему годами удавалось не думать, проступила оговорка из инструкции: при отсутствии подтверждения задействуется резервный способ установления контакта.

Какой именно, ему не сообщали.

Прозвучал дверной звонок.

Глава 1. Слепая зона

Михаил не сразу поднялся из-за стола.

Звонок прозвучал ещё раз, терпеливо и негромко, как звонят люди, уверенные, что пришли по адресу. На домашнем экране появилось изображение площадки: мужчина в непромокаемой куртке держал под мышкой плоский пакет. С козырька его шапки стекала вода. Правой рукой он поправлял сползающий ремень сумки, левой прикрывал устройство, на которое попадали капли.

Внизу светилось подтверждение допуска: служба доставки, вручение лично получателю.

Михаил посмотрел на открытую книгу, на карточку рядом с ней, затем на собственные босые ноги. В таком виде он меньше всего походил на человека, подготовленного к чрезвычайным обстоятельствам. Это неожиданно помогло. Он встал, сунул карточку между страницами и пошёл открывать, не пытаясь ни спрятать посылку, ни придать кухне вид, которого у неё прежде не было.

— Майкл Уорд? Простите за ранний визит, у вас отправление с утренним окном. Отправитель отдельно оплатил, чтобы до начала рабочего дня.

Голос у мужчины оказался хриплым, с остатками простуды. Он протянул пакет, но не выпустил, дожидаясь подтверждения личности.

Михаил приложил браслет к считывателю. На короткое мгновение возникло нелепое желание отнять руку: пока получение не зарегистрировано, можно ещё сказать, что ничего не было. Затем устройство негромко щёлкнуло, и курьер отпустил картонный край.

— Здесь дополнительный лист к книге, — продолжил он. — Если упаковка повреждена, лучше отметьте сейчас. Потом претензия пойдёт через продавца, а это дольше.

— С виду всё цело. Вы от самой лавки или от перевозчика?

— От перевозчика. Лавка передала на склад, мне выдали маршрут. Вопросы по содержанию — по номеру в накладной.

Мужчина говорил без раздражения, но взгляд уже смещался к лестнице. За утро ему, вероятно, предстояло ещё не раз объяснить, почему доставленное не соответствует заказанному и почему он лично ничего с этим сделать не может.

Михаил едва не спросил, когда именно пакет поступил на склад. Вопрос был бы естественным для следователя и странным для покупателя, которому наконец привезли недостающий лист старой карты.

— Спасибо. Вы весь день под этим дождём?

Курьер посмотрел на мокрый рукав и усмехнулся.

— Обещают, после девяти закончится. Я уже два раза начинал смену с таким обещанием. Хорошего дня, мистер Уорд.

Он повернулся к лестнице. Михаил закрыл дверь, дослушал шаги и только после этого вернулся на кухню.

Дом успел занести доставку в журнал. Время, лицо курьера, номер заказа, подтверждение получателя. Удалять запись было нельзя: сотрудник Службы целостности, стирающий собственные бытовые следы, представлял для автоматического контроля больший интерес, чем сотня полученных им книг.

Вчера он мог подтвердить готовность обычным способом. Сегодня чужой человек поднялся к его двери, назвал его фамилию, дождался личной отметки. Что именно знали о доставке на другом конце канала, Михаил не представлял. Но теперь там, вероятно, знали и то, что адрес действителен, а получатель жив.

Ему хотелось счесть это заботой о сохранности агента.

Он взял нож для бумаги.

В пакете действительно находилась карта — сложенный вчетверо лист с выцветшей береговой линией и небольшим пятном у обозначения старой пристани. Между складками лежала издательская справка. Текст, посвящённый различиям двух тиражей, выглядел столь же скучным, как полагалось выглядеть подобному тексту.

Михаил проверил предусмотренные признаки. Затем достал из шкафа бумажный справочник, которым не пользовался с последней проверки связи, и сел так, чтобы на стол падал свет из окна. От домашнего экрана он отвернулся. Тот не следил за каждым его движением, но привычка не подставлять сообщение объективу сохранилась лучше, чем он ожидал.

Расшифровка заняла двенадцать минут.

Несколько раз он останавливался, сверяя уже прочитанное. Волнение делало знакомые действия ненадёжными: рука опережала взгляд, взгляд возвращался к началу строки. За стеной включили воду. Кто-то в соседней квартире уронил что-то тяжёлое и выругался. Михаил невольно прислушался, прежде чем заставил себя продолжить.

В сообщении не было ни его имени, ни напоминания о просроченном подтверждении. Только задача, условия и срок следующего выхода на связь.

Томас Рид. Специалист по восстановлению архивов периода мировой войны. Требовалось получить оригинальные носители и сопровождающие записи. Отдельно подчёркивалось: рабочие копии не заменяют комплект. Состав следовало проверить по описи, находящейся у посредника.

Посредник — Рут Белл.

Ниже приводились сведения, позволявшие её узнать: возраст, описание внешности, название мастерской, занимавшейся редкими документами и частными коллекциями. В прямой контакт с Ридом вступать запрещалось. Белл ожидала получателя, но не знала его личности; подтверждение полномочий Михаил должен был предъявить при встрече, назначенной на вторую половину дня.

Последний пункт занимал одну строку.

После проверки комплекта посредника устранить.

Михаил прочитал строку ещё раз. Её смысл не менялся. Никакой дополнительной оговорки, никакого условия, при котором исполнение становилось необязательным. Живой человек должен был помочь ему получить документы, убедиться, что всё передано правильно, и умереть, когда в нём больше не останется необходимости.

Он положил справочник на стол, придерживая пальцем нужную страницу.

До этого утра его служба состояла в ожидании. Он помнил, кому принадлежит, сохранял возможность связи, строил карьеру, к которой его готовили. Даже отказ от Эвелин, каким бы мучительным он ни казался когда-то, постепенно сделался одним из тех поступков, с которыми люди учатся жить, перестав рассказывать себе о них по вечерам.

Теперь от него требовали действия, после которого никакое течение времени не изменит того, что произошло.

Михаил попытался представить Рут Белл, но вместо лица видел короткую строку описания: пятьдесят девять лет, седина у висков, след старого ожога на левой кисти. Такие сведения он сам включал в ориентировки. Они помогали находить человека, ничего не сообщая о том, что с ним будет после обнаружения.

Почему её требовалось убить? Она знала источник архива? Успела сохранить копию? Согласилась на передачу, не понимая, кому помогает, а теперь могла узнать? В сообщении не было ответа. Предполагалось, что ответа ему достаточно не знать.

Он встал, налил воды, сделал несколько глотков. Стакан звякнул о край раковины сильнее, чем следовало.

Пока не получен архив, приказ об устранении не подлежал исполнению. Это было простое, бесспорное обстоятельство. Сначала следовало установить, что произошло, встретиться

с Белл, проверить материалы. Возможно, появятся основания запросить изменение условий. Возможно, сведения о посреднице устарели. Приказы составлялись людьми, а люди ошибались.

Михаил ухватился за последовательность действий с облегчением, от которого стало стыдно. Несколько часов, в течение которых можно не принимать окончательного решения, вдруг показались ему почти выходом.

Он убрал справочник. Издательскую справку оставил среди листов книги: сама по себе она не содержала ничего, что обычный осмотр мог бы отличить от торговой переписки. Затем оделся, тщательно застёгивая манжеты. На одной из них темнел ещё не высохший след, оставленный, когда он вытер стол рукавом.

Служебный вызов пришёл, пока он выбирал другую рубашку.

— Уорд, у вас сегодня дежурная группа по вмешательствам? — спросила сотрудница координации. — Местные запросили специалиста на набережную. Смерть в жилом доме, несоответствие данным охранного контура. Передаю первичную сводку, посмотрите, пожалуйста, нужен ли выезд.

Михаил открыл сообщение.

Мужчина, обнаруженный на служебной лестнице. Предположительно падение. Личность установлена по данным управляющего и документам жильца.

Томас Рид.

Несколько секунд Михаил смотрел на фотографию, прилагаемую к карточке, и не мог совместить её с только что прочитанным заданием. Архивист оказался сухощавым седым человеком с чуть наклонённой головой, словно фотограф отвлёк его от вопроса, который тот не успел додумать.

— Уорд, вы на связи?

Он вернул окно разговора.

— Да. Что именно не соответствует?

— Камера работает, но в журнале присутствия участок пуст. Управляющий думал, что сбились часы. Полицейский на месте сравнил — похоже, время правильное. Там ещё автоматическая заявка на восстановление, её пока придержали.

Михаил посмотрел на книгу. Карта выступала из переплёта, обнажая участок береговой линии.

— Восстановление не запускать. Передайте местным: сохранить исходные записи и результаты обработки отдельно. Я выезжаю. Пусть мой сотрудник подключится к специалисту на месте, контакты отправлю сейчас.

Говоря это, он уже открыл расписание группы. Патель значился на проверке портовых разрешений, Леви заканчивала отчёт и могла немедленно заняться данными. Он передал ей запрос, проверил адрес, взял пальто.

Только у двери заметил, что новая рубашка так и осталась на стуле.

* * *

До дома Рида было меньше десяти минут на служебной машине.

Михаил ехал, глядя на набережную сквозь исчерченное дождём стекло. Над водой висела низкая серая полоса; за ней краны и крыши теряли очертания, словно дальнюю часть города ещё не успели дорисовать. У остановки школьник придерживал капюшон младшей сестры, пока та поправляла ранец. Двери пассажирского модуля терпеливо оставались открытыми.

На служебном экране менялись сведения о происшествии. Медики подтвердили смерть. Местный следователь запросил осмотр квартиры. Система дома сообщала о восстановлении штатного распознавания; момент сбоя пока не определили.

Михаил мог открыть карточку Рут Белл. Теперь, имея номер дела, он даже сумел бы объяснить такой запрос впоследствии — если Белл действительно окажется связана с Ридом

в доступных записях. Но именно этого он пока не знал. Начать проверку с человека, чьё имя ему ещё никто не назвал, означало оставить след, который однажды заставит коллег задать правильный вопрос.

Он убрал руку от экрана.

В подготовке редко говорили о том, насколько неудобно будет знать больше положенного. В учебных задачах тайное знание помогало выжить. Здесь оно мешало задавать вопросы в естественном порядке.

Рид жил в кирпичном доме, сохранившем фасад старого портового управления. Нижние окна были широкими, верхние — узкими, с каменными перемычками, потемневшими от влаги. На первом этаже работала реставрационная мастерская; за стеклом стояла лампа, освещавшая разобранную деревянную раму. Ленту оцепления протянули только у бокового входа, оставив жильцам проход через вестибюль.

Михаил предъявил допуск дежурному и вошёл.

В коридоре пахло мокрыми пальто, известкой и чужим завтраком. Кто-то жарил лук. Этот запах, совершенно неуместный рядом со смертью, сразу придал происходящему обыкновенную достоверность, которой не хватало служебной сводке.

На лестничной площадке его встретил инспектор Холт, невысокий мужчина с аккуратной бородой. Он держал в руке бумажный стакан, но, увидев допуск, поставил его на подоконник.

— Я просил прислать эксперта по данным. Не думал, что к нам поднимется руководитель группы.

— Эксперт тоже будет. Леви уже работает с вашим специалистом. Вы сказали, камера не совпадает с журналом?

— Лучше покажу. Если это часы, я готов извиняться до вечера. Только покойный, к сожалению, от этого не встанет.

Они поднялись ещё на один пролёт. Тело лежало между третьим и четвёртым этажами, ближе к стене. Под голову успели подложить медицинскую салфетку, остальное положение сохранили. На мужчине был домашний кардиган, одна туфля держалась на ноге, другая лежала выше, возле перил.

Михаил задержался на нижней ступени. На фотографии Рид выглядел старше своего возраста; сейчас, с неловко подвернувшейся рукой и приоткрытым ртом, он казался человеком, которого застали врасплох в собственном доме. Из кармана кардигана торчал носовой платок с синей каймой.

— Нашла уборщица, — сказал Холт. — В семь двенадцать, вызов зарегистрирован минутой позже. Подумала, он потерял сознание. Подошла, коснулась плеча, потом позвонила. Больше никого к нему не подпускала.

— Свет горел?

Холт посмотрел на него с одобрением, которого не стал выражать словами.

— Она включила ручную. Датчик не сработал. Управляющий хотел отправить всё на перезапуск — здесь это обычный ответ на любую жалобу, — но дождался нас. Я попросил посмотреть запись до того, как техника начнет лечить.

Михаил перевёл взгляд на камеру, закреплённую под потолком площадки. Ниже чернела дверь противопожарного выхода. Между ней и стеной оставался участок, который объектив с этой позиции мог захватывать лишь частично.

— Кто ещё проходил по лестнице до приезда ваших людей?

— Управляющий, бригада помощи и уборщица. Всё записано, следы обуви снимем. На четвёртом этаже разбита чашка. Квартира покойного закрыта, дверь без повреждений. Основание на вход уже есть.

Михаил запросил видеозапись и подтвердил служебную необходимость просмотра жилой зоны. На экране появился Рид: тот выходил из квартиры, придерживая дверь локтем, с чашкой в правой руке. В нижнем углу кадра стояла отметка времени — 06:52:18.

Под ней: «Присутствие людей не установлено».

Михаил остановил запись.

Рид оставался на экране, отчётливо видимый от головы до домашних туфель. По его кардигану проходила светлая полоса от лампы у двери. Это не было смазанным отражением или случайным рисунком теней. Человек стоял в нескольких шагах от камеры, и программа, чьи выводы использовал домовый контур, его не учитывала.

— Не только лицо, — сказал Холт. — Если бы она не узнала жильца, появился бы неизвестный. А здесь вообще никого.

— Покажите минутой раньше. И оставьте результаты обработки на экране.

На предыдущем фрагменте женщина несла по лестнице складную тележку. Камера выделяла её силуэт; журнал фиксировал направление движения. Женщина сворачивала на второй этаж и исчезала. Затем, после короткого промежутка пустой лестницы, появлялся Рид.

Выделения не было.

Михаил запустил запись дальше. Рид что-то говорил в сторону противопожарной двери. Звук отсутствовал. Потом сделал небольшой шаг назад, поднимая чашку, словно забыл, что держит её, и край его кардигана натянулся возле плеча.

Он упал быстро, некрасиво, без попытки схватиться за перила. Чашка ударилась о край ступени, расколовшись на несколько крупных осколков. Из-за двери на долю секунды показался тёмный рукав, затем в кадр вошла часть фигуры. Лица не было видно.

Журнал продолжал сообщать о пустой площадке.

Холт молчал. Михаил вернул изображение к моменту перед падением и увеличил участок возле плеча. Чужую руку можно было предположить, но утверждать её наличие по этому кадру он бы не стал. Люди, слишком рано увидевшие нужное, потом месяцами защищали собственную ошибку.

— Падение могло быть несчастным случаем, — произнёс Холт, не отрываясь от экрана. — Но человек за дверью не вышел помогать. И не позвонил. Если вы скажете, что это обычная неисправность, я всё равно оставлю его в розыске.

— Я пока не могу сказать, где возникла неисправность. Камера сохранила изображение. Значит, проблема либо в обработке, либо в данных, которые нам сейчас выдают за её результат. Нужно проверить каждый участок отдельно.

Он говорил ровно, ощущая, как следовательская привычка постепенно возвращает ему устойчивость. Последовательность была знакомой: отделить наблюдаемое от объяснений, сохранить исходники, не позволить первой удобной версии занять всё пространство.

Только одна версия уже находилась там, куда Холт не мог заглянуть. Рида могли убить люди, отправившие Михаилу приказ.

В тексте не было распоряжения убить архивиста. В нём вообще не было сведений о его смерти. Это ничего не доказывало: инструкции могли подготовить заранее, а исполнители разных частей операции не обязаны были знать друг о друге.

Но если архив уже забрали, зачем ему встречаться с Белл?

Холт поднялся к квартире, и Михаил последовал за ним, продолжая мысленно задавать вопросы, которых не мог произнести вслух.

* * *

В квартире было тепло. На кухонном столе лежал раскрытый пакет с хлебом; рядом стояла тарелка, на которой успело подсохнуть масло. Вода в небольшом чайнике ещё сохраняла запотевшее пятно на внутренней стороне крышки.

Михаил остановился в дверях кабинета, пропуская сотрудника, снимавшего общую обстановку.

Комната оказалась заставлена книгами и коробками. На полках теснились папки, подписанные от руки, на широком столе лежали перчатки, увеличительное стекло и несколько прозрачных футляров. Возле окна стоял считыватель старого образца, отделённый от современной рабочей станции свободной полосой стола. Кабель от него уходил к собственному блоку питания; сетевого соединения Михаил не увидел.

Хозяин явно привык жить среди вещей, происхождение которых приходилось объяснять. На крышках коробок имелись номера, на футлярах — пломбы, даже у потёртого кресла висела карточка с описанием повреждений. Возможно, Рид занимался не только архивами. Возможно, кто-то в этой квартире пытался привести в порядок всё, чего касался.

— Это из его профессионального фонда? — спросил Холт, указывая на считыватель.

— Надо запросить опись. Пока не подключайте к нашей сети. Если здесь изолированная работа, причины могли быть вполне разумными.

На столе лежала раскрытая тетрадь. Под датой стоял короткий перечень: проверить оборот, сопоставить края, запросить акт передачи. Михаил прочитал его, не прикасаясь к бумаге. Последнюю строку Рид зачеркнул так густо, что разглядеть слова не удалось.

Рядом находилась фотография: сам Рид, чуть моложе, обнимал за плечи смеющуюся женщину. На заднем плане виднелись леса вокруг старого здания. Женщина отвернулась от объектива, и на снимке остались только профиль, серьга и выбившаяся прядь. На нижнем краю фотографии засохла капля прозрачного клея.

Холт аккуратно обошёл стол.

— Вдова, как я понял. Скончалась четыре года назад. Родственников ещё ищут. Неприятно, когда всё заканчивается описью имущества раньше, чем находится человек, которому надо позвонить.

Михаил не ответил. Он представлял архив как комплект носителей, требующий изъятия. В этой комнате комплект распадался на чужие привычки, недоделанную работу, фотографию, которую кто-то однажды поставил так, чтобы видеть, подняв голову.

Он заставил себя вернуться к столу.

Под увеличительным стеклом лежала узкая бумажная полоса с рваным краем. На ней сохранилось несколько слов: «...полномочий до восстановления...».

Михаил узнал оборот из документов военного времени. Сотни решений, продлевавших чрезвычайные режимы, начинались и заканчивались похожим образом. Пока это ничего не означало. Он зарегистрировал находку вместе с остальными предметами и перешёл к шкафу у стены.

Стальной, невысокий, с механическим замком. На верхней полке рядом лежала пустая тканевая обёртка, внутри которой отпечатался прямоугольный контур. Что-то здесь хранили, но как давно это убрали, на глаз определить было невозможно.

Пришло сообщение от Леви.

«Исходный поток принят. Расхождение подтверждаю. Проверяю, совпадают ли границы по времени. Не разрешайте штатную очистку временных файлов».

Михаил отправил подтверждение. Затем получил уведомление о передаче руководства расследованием оперативному отделу Службы целостности.

Фамилию назначенного руководителя он прочитал уже стоя у окна.

Эвелин Шоу.

За стеклом внизу полицейский объяснял пожилому мужчине, почему нельзя пройти через боковую дверь. Тот сердился, показывая ключи, словно именно они подтверждали его право не подчиняться произошедшему. Михаил несколько секунд смотрел на их разговор, прежде чем ответить на входящий вызов.

— Майкл, я получила первичные материалы. Ты ещё у Рида?

Голос был знаком настолько, что её присутствие на другом конце канала ощущалось почти физически. Он вспомнил не библиотеку и не последний разговор, а то, как Эвелин однажды читала ему вслух неудачно составленное служебное письмо, всякий раз останавливаясь на одной и той же фразе, потому что начинала смеяться.

— В кабинете. Здесь изолированное оборудование и бумаги, которые потребуется разбирать специалисту. Леви проверяет записи, местные работают с жильцами.

— Хорошо. Я буду через четверть часа. До моего приезда сохраняйте весь контур дела, включая промежуточные результаты. Нам уже предложили восстановить нормальную работу узла и продолжить проверку по выгрузке. Я отказалась.

— Техник не запускал восстановление. Холт его остановил.

— Передай Холту, что я ему благодарна. И, Майкл, никаких выводов о происхождении вмешательства, пока не посмотрим, что у нас действительно есть.

— Я ещё даже не успел обвинить чужую разведку.

— Поэтому и звоню сейчас.

Он услышал в её голосе слабую, почти невольную улыбку. Разговор завершился, оставив после себя опасное ощущение нормальности.

Четверть часа. Этого было достаточно, чтобы сообщить о полученном приказе. Сказать, что утром к нему пришло отправление, назвать канал, признать происхождение своей биографии. Он мог сделать это сейчас, прежде чем Эвелин войдёт в комнату, где каждый следующий ответ будет новой ложью.

Михаил посмотрел на экран. Палец лежал возле значка повторного вызова.

За признанием следовали задержание, изъятие устройств, изоляция всех, кто мог быть связан с ним. Что произойдёт с Белл, он не знал. Что произойдёт с людьми в Евразии, чьи имена останутся в материалах его подготовки, — тоже. Он мог убедить себя, что молчит ради них. Мог вспомнить службу, семью, долг, но все эти слова сейчас казались слишком большими для движения одного пальца.

Он убрал устройство в карман.

Когда Холт вернулся с вопросом о доступе в шкаф, Михаил уже открыл перечень необходимых экспертиз.

* * *

Эвелин появилась в дверях кабинета, снимая мокрые перчатки. Тёмное пальто было растёгнуто, на плече осталась полоса дождевых капель. Она поздоровалась с Холтом, представилась сотруднику, работавшему у стола, и только потом посмотрела на Михаила.

— Здравствуй. Не самое удачное место, чтобы спрашивать, как ты живёшь.

— Для первого разговора за несколько месяцев бывало и хуже.

— Тогда ты просто раньше уходил.

Сказано было спокойно, без требования ответить. Он не успел решить, относится ли это только к последним служебным встречам, а она уже подошла к столу и попросила показать запись падения.

Они стояли рядом, пока воспроизводился короткий фрагмент. Эвелин не прерывала Холта, объяснявшего обстоятельства обнаружения тела; лишь один раз подняла руку, когда он назвал человека за дверью нападавшим.

— Пока неизвестный. Нам ещё предстоит доказать, что именно он сделал. Я согласна, что поведение выглядит подозрительно, но в протоколе оставим то, что можем защитить.

Холт кивнул, не обидевшись. Михаил заметил, как Эвелин положила перчатки на свободный край подоконника, предварительно проверив, что тот уже осмотрен. Маленькое движение, за которым стояли годы работы. В университете она так же убирала со стола чужие записи, прежде чем разложить свои: внимательно, не присваивая себе права на всё пространство.

— Что известно о самом Риде? — спросила она.

Холт перечислил установленные факты. Работа с военными архивами, разрешение на хранение отдельных оригиналов, одиночное проживание. Несколько профессиональных контрактов, которые ещё предстояло получить. Вчерашний день восстанавливали по перемещениям; сегодняшние посетители пока не были определены полностью.

Эвелин повернулась к Михаилу.

— Ты прежде пересекался с ним? По экспертизам, консультациям?

— Лично — нет. На наших делах его не помню.

Оба утверждения были правдой. От этого ответ прозвучал легче, чем он ожидал.

Она выслушала и продолжила расспрашивать Холта. Михаил смотрел на её профиль, понимая, что только что получил возможность сказать существенное и воспользовался ею, чтобы сказать второстепенное.

— Я хочу видеть схему обработки от объектива до решения, — сказала Эвелин. — Отдельно — где сохраняется изображение, где определяется присутствие, откуда дом получает команду включить свет. Если разные функции зависят от одной ошибочной записи, нам не нужен взлом всех устройств сразу.

— Леви этим занимается. На предварительном просмотре соседние проходы людей отражаются нормально. Проблема избирательная, но мы ещё не понимаем принцип выбора.

— И не будем пока называть это слепотой «АТЛАСА». У нас есть конкретная лестница и конкретный интервал. Когда будет больше — расширим вывод.

Холт ушёл организовывать повторный опрос управляющего. В комнате остался эксперт, осторожно укладывавший бумажную полосу в прозрачный футляр. Эвелин дождалась, пока он отойдёт, и понизила голос.

— В центре уже спрашивают, могло ли это прийти извне. Ответа хотят до того, как мы установим время смерти. Мне нужен человек, который выдержит эту последовательность.

— Ты получишь предварительную оценку, как только появится основание.

— Я знаю. Поэтому оставляю проверку вмешательства твоей группе. Пателя можно снять с текущего дела?

— До полудня он передаст материалы. Леви уже здесь, хотя пока только голосом.

Эвелин впервые за разговор посмотрела на него дольше, чем требовалось для получения ответа.

— Ты плохо спал?

Он пожал плечами, собираясь воспользоваться самым простым объяснением, но она добавила:

— Ты несколько раз перечитал один и тот же пункт. Обычно тебе хватает одного раза, чтобы решить, что он написан неправильно.

— Утро получилось не таким, как я рассчитывал.

Она взглянула в сторону двери, за которой работали возле тела.

— Да. Постарайся хотя бы поесть, когда выберемся отсюда. Длинный день только начинается.

Михаил кивнул. Её забота была короткой, деловой и оттого почти невыносимой. Она не спрашивала, можно ли ему верить. Верила уже — в той мере, в какой люди, однажды узнавшие друг друга, продолжают пользоваться этим знанием спустя годы.

Он отвёл взгляд к шкафу.

— Если носители находятся там, после вскрытия потребуется отдельная опись. Без подключения к внешнему контуру, пока не выясним, с чем работал Рид.

— Согласна. Но сначала найдём человека, который знает, что должно лежать внутри. Пустой шкаф тоже придётся объяснять.

В дверях появился Холт. На этот раз он не вошёл сразу, придерживая створку ладонью.

— Установили утреннюю посетительницу. По входной камере она пришла в шесть тридцать восемь. Женщина, работает с редкими книгами. Управляющий её узнал, здесь бывает регулярно. Рут Белл.

Михаил заставил себя посмотреть на Холта после Эвелин, а не раньше.

— Она ещё в доме? — спросила та.

— Уже нет. Но недавно обращалась в стойку помощи, в двух кварталах отсюда. Жалоба на неработающий допуск. Патруль нашёл её у аптеки, сейчас везут сюда. Я попросил без сопровождения с сиреной, она и так решила, что её задерживают.

Имя, с утра существовавшее на странице чужого приказа, наконец появилось в деле законным путём.

Михаил испытал облегчение и тут же понял его причину: теперь ему разрешалось интересоваться Рут Белл.

* * *

Для разговора освободили небольшую комнату управляющего на первом этаже. За стеклянной перегородкой виднелись жилыцы, ожидавшие возможности задать вопросы; полицейский у двери записывал имена и терпеливо повторял, что лифтом пользоваться можно, а служебной лестницей пока нельзя.

Рут сидела у стола в застёгнутом пальто. На коленях лежала сумка с короткими ручками, слишком жёсткая для хозяйственной и слишком потёртая для дорогого рабочего портфеля. Женщина держала её обеими руками. В левой, чуть искривлённой старым ожогом, костяшки побелели от напряжения.

Михаил узнал бы её и без имени.

Она подняла глаза, когда вошла Эвелин, потом посмотрела на него. Взгляд был прямым, оценивающим; испуг не мешал ей замечать, кто идёт первым и кому остальные уступают место.

— Мне сказали, с Томасом что-то случилось. Я спрашиваю уже третий раз, и каждый раз мне отвечают, что сейчас подойдёт человек, который объяснит. Вы этот человек?

Эвелин села напротив, представилась и назвала должность Михаила.

— Доктор Рид погиб сегодня утром. Мне жаль, что вам пришлось узнать об этом таким образом. Сейчас мы устанавливаем обстоятельства. Вы были у него незадолго до случившегося, и нам потребуется ваша помощь.

Рут медленно опустила взгляд на сумку.левой рукой поправила ручку, затем ещё раз, хотя та уже лежала ровно.

— Он не отвечал, — сказала она. — Я думала, снова работает в перчатках и не хочет трогать устройство. У него была такая привычка: если начал, не оторвёшь.

Михаил стоял сбоку от стола. До окна оставалось два шага, до двери — три. Он заметил это раньше, чем успел запретить себе считать.

— Вы близко его знали? — спросила Эвелин.

— Мы работали вместе. Иногда. Я подбирала материалы, проверяла сохранность, устраивала перевозку. Смотря что требовалось. Если вы собираетесь спросить о его здоровье, лучше позвоните врачу. Люди моего возраста не всегда рассказывают коллегам, что у них болит.

Голос у неё чуть дрожал, но ответы оставались точными. Она уже отделяла то, о чём готова говорить, от того, что могла оставить за пределами разговора.

— Сейчас мне нужно понять, требуется ли вам помощь, — сказала Эвелин. — Медицинская или любая другая. Утренний разговор мы запишем отдельно, когда вы сможете собраться.

Рут посмотрела на неё внимательнее.

— Воды, пожалуйста. И скажите, почему мой допуск перестал работать. Если вы его закрыли, можно было просто вызвать меня, я бы пришла.

Холт подал ей стакан. Михаил заметил, как она сменила хват, стараясь не сгибать обожжённые пальцы.

— Мы не закрывали ваш допуск, — ответил он. — Расскажите, где это произошло. Нам важно точное место, даже если вы не помните время.

— Здесь, у боковой двери. Я вышла, потом вспомнила, что оставила у Томаса футляр. Вернулась, приложила браслет — дверь не открылась. Сначала подумала, ограничение на повторный вход. Попробовала общий вызов, но там велели подойти к панели, хотя я стояла прямо перед ней.

Она отпила воды. За перегородкой кто-то повысил голос, и Рут повернулась на звук.

— Потом пошла к стойке помощи. Там тоже не сразу поняли, что я от них хочу. А когда всё заработало, мне сказали, что ошибок нет. Очень удобно. Я почти поверила, что неправильно держала руку.

Михаил почувствовал, как следственная задача на мгновение заслонила приказ. Если её слова подтвердятся, возникнет второй участок, на котором живой человек оказался исключён из машинной картины. Это уже можно было сопоставлять: время, расположение, принадлежность устройств к общему узлу.

— Вы готовы показать, где стояли? Не сейчас, после разговора. И разрешить специалисту проверить журнал вашего допуска?

Рут посмотрела на браслет.

— Проверить можно. Только не забирайте его без расписки. Однажды уже забрали, потом неделю не могли выдать временный. Я не собираюсь второй раз доказывать, что имею право попасть к себе домой.

— Оформим всё при вас, — сказал Михаил.

Эвелин не перебивала. Он чувствовал её внимание, направленное теперь на ту же связь между рассказом Рут и лестницей, которую только что увидел сам. Хорошо сделанная работа приносила привычное удовлетворение. От этого становилось хуже: он продолжал быть полезным человеком, пока решал, как исполнить совершенно другое поручение.

— Футляр, о котором вы сказали, — уточнила Эвелин. — Что в нём находилось?

Рут провела пальцем по мокрому краю стакана.

— Принадлежности. Для осмотра бумаги. Я приносила свои, у Томаса нужное постоянно оказывалось под какой-нибудь стопкой.

Михаил ждал продолжения, но она остановилась. Ни слова о перевозке архива, об описи или о получателе, которого должна была встретить после полудня. Она могла считать сделку отменённой. Могла не знать о приказе ничего, кроме условленного способа передачи. Могла опасаться их обоих больше, чем человека, убившего Рида.

Выяснять это при Эвелин он не имел права даже попытаться.

— Вы покидали дом одна? — спросила та.

— Да. Со мной никто не выходил.

— А пока были у Рида, слышали звонок, видели, что он кого-то ждёт?

Рут приподняла стакан, но пить не стала.

— Он занимался работой. Больше я сейчас ничего не могу вам сказать.

Эвелин выдержала паузу. Затем попросила Холта остаться с ней, объяснив, что через несколько минут вернётся для подробного разговора. Михаил вышел следом.

В коридоре воздух был прохладнее. Дверь вестибюля постоянно открывалась, впуская сырость и голоса с улицы. Эвелин остановилась у глухой стены, где их не могли слышать ожидавшие жильцы.

— Она удерживает часть сведений. Возможно, обычная профессиональная тайна, возможно, что-то ещё. Я хочу поговорить с ней без чужих людей за стеклом и без постоянного движения у двери.

— Есть комната опроса в районном подразделении. Можно отвезти туда.

— Для полноценного допроса — да. Пока она свидетель и согласилась помочь добровольно. Мне не нужно, чтобы обстановка убедила её в обратном. Найди спокойное место под нашей охраной. И проверь путь: если история с допуском связана со сбоем, я не хочу отправлять её одну через городские турникеты.

В кармане Михаила завибрировало устройство. Леви прислала короткое сообщение: границы интервала предварительно определены, исходный поток не прерывался; нужны дополнительные записи для сравнения. Он показал экран Эвелин.

— Её рассказ поможет проверить, как далеко это распространилось. Но пока мы не знаем, что именно выбирало людей.

— Поэтому сопровождение будет человеческим. Твоя группа возьмёт на себя? Патель освободится, Леви проверит данные, а ты пока останешься рядом. Она тебе отвечает. Это полезнее, чем сменить перед ней ещё троих сотрудников.

Михаил посмотрел через перегородку.

Рут поставила сумку на соседний стул. Холт что-то объяснял ей, показывая документ на устройстве; она наклонилась, чтобы прочитать, и подняла руку, останавливая прокрутку. Не подписывала, пока не разберётся. Не позволяла торопить себя даже сейчас.

Научиться доверять ему ей предстояло ещё только начать.

— Возьмём, — сказал он. — Мне нужен доступ к сведениям о её перемещениях за утро и отдельный сотрудник на проверку места размещения. До завершения проверки она останется здесь, с Холтом.

Эвелин кивнула и отправила распоряжение. На его экране появилась новая обязанность, сформулированная сухим служебным языком: обеспечение безопасности свидетеля, координация сопровождения, немедленное уведомление руководителя о любых попытках контакта со стороны посторонних.

Ниже стояло имя Рут Белл.

Михаил подтвердил принятие.

В этом движении не было ничего нового. Он сотни раз брал на себя ответственность за людей, материалы, участки работы. Служба доверяла ему, потому что до сих пор он выполнял такие обязательства достаточно хорошо, чтобы никто не спрашивал, чего ещё от него могут потребовать.

Эвелин коснулась его локтя, привлекая внимание.

— Майкл, я серьёзно. Пока мы не поняли, что случилось с Ридом, её нельзя терять из виду. Ни на минуту, которую потом придётся объяснять ошибкой в журнале.

— Я понял.

— Тогда займись этим. Мне нужно подняться к технику, прежде чем он согласится с очередным советом всё перезапустить.

Она ушла к лестнице. Он проводил её взглядом, чувствуя, как вместе с ней удаляется последняя возможность сказать правду без присутствия Рут.

Холт открыл дверь комнаты и позвал его. Рут стояла, держа сумку на согнутой руке. Вблизи след ожога оказался светлым, блестящим, с тонкими складками возле запястья.

— Инспектор говорит, дальше со мной будете вы, — произнесла она. — Я согласна остаться и ответить на вопросы. Но если мне угрожает что-то определённое, я хочу знать это до того, как сяду в вашу машину.

Холт посмотрел на Михаила. Ожидал объяснения, которое успокоит женщину и при этом не пообещает лишнего.

Михаил мог назвать одну определённую угрозу. Знал её происхождение, условие исполнения и человека, которому поручили действовать. В этой комнате никто, кроме него, не предполагал столь точными сведениями о возможной смерти Рут Белл.

— Мы проверяем обстоятельства гибели доктора Рида и сбой, с которым вы столкнулись, — сказал он. — Пока проверка не закончена, вы будете под защитой моей группы. Все перемещения согласуются со мной.

Рут посмотрела ему в лицо, пытаясь решить, достаточно ли этого. Затем медленно кивнула.

За её спиной Холт передал Михаилу карточку сопровождения. В ней оставалось одно незаполненное поле: ответственный сотрудник.

Он вписал своё имя.

Глава 2. Последний посетитель

На площадке уже мыли пол — тремя этажами ниже того места, где лежал Рид.

Эвелин остановилась, пропуская уборщицу с ведром. Та прижалась к стене, хотя прохода хватало на двоих, и подняла глаза с выражением, которое Эвелин знала по людям, первыми обнаружившим мёртвого: словно теперь от любого незнакомца следовало ждать вопроса, что именно они сделали неправильно.

— На верхнюю лестницу пока не поднимайтесь, — сказала Эвелин. — Остальное можно закончить.

— Я там и не трогала. Мне сказали, я сразу отошла.

— Всё правильно. Спасибо, что остались.

Женщина кивнула, опустив руку с зажатой тряпкой. На пальцах белели следы моющего средства. Эвелин пошла дальше, чувствуя, как неприятно тянет мокрая ткань между лопатками. Пальто она оставила внизу, но вода успела добраться до воротника.

У двери технической комнаты сидел молодой сотрудник в слишком просторном защитном жилете. Он поставил устройство на колени, прижимая локтем кабель, чтобы тот не выскользнул из переходника. На экране рядом с местной схемой горело имя Леви.

— Я Шоу. Покажите, что у вас с уведомлением о падении.

Сотрудник быстро выпрямился.

— Оно не сформировалось. Здесь старый домовый узел, часть функций вынесена на районную обработку. Камера записывает отдельно, но сигнал о происшествии идёт после определения присутствия. Если присутствия нет...

Он замолчал, повернув экран к ней.

Эвелин увидела цепочку коротких отметок: изображение получено, проверка завершена, событие не выделено. Внизу повторялось слово «штатно».

— А после падения?

— То же самое. До того, как пришла уборщица. На неё свет включился бы, но она нажала кнопку раньше.

Двадцать минут. Почти двадцать минут человек лежал на лестнице, пока система, располагавшая его изображением, не находила ничего, требующего внимания.

— Врач уже определил, мог ли он оставаться жив после падения?

— Мне не сообщали.

Эвелин внесла вопрос в поручение Холту. Пока ответа не было, нельзя было превращать задержку помощи в доказанную причину смерти. Но мысль уже возникла, и отогнать её одним профессиональным запретом не получалось.

На боковой панели всплыло предложение восстановить штатную обработку. Молодой сотрудник отвёл от него курсор прежде, чем она успела что-либо сказать.

— Это четвёртый раз. Я поставил запрет, а запрос возвращается с другого участка.

— Кто его направляет?

— Автоматическое обслуживание. У нас блокировка по делу, у них требование устранить неисправность. Срок реакции проходит, они повышают приоритет.

Эвелин наклонилась, чтобы прочитать основания. Обычная последовательность: дом сообщил о нарушении, обслуживающая служба должна вернуть ему исправность. Где-то в конце этой последовательности человек получит взыскание, если ничего не сделает. Каждая отдельная обязанность выглядела разумной.

— Передайте мне номер. Я свяжу запрет с районным обслуживанием. И сохраните все предложения о восстановлении, включая отклонённые.

Леви отозвалась через динамик:

— Мне нужны ещё входная группа и стойка помощи. По лестнице расхождение подтверждено, но границы могут оказаться разными. Пока у нас две жалобы, а не один установленный механизм.

— Получите. Отдельно проверьте людей, которых система видела в тот же промежуток. Нам нужны сравнения, не только пропуски.

— Уже выбираю. У бокового входа прошёл разносчик, возле стойки стояли ещё двое.

Эвелин выпрямилась. На лестнице хлопнула дверь, и снизу донёсся сердитый мужской голос: жилец требовал объяснить, почему нельзя просто посмотреть, кто вошёл. Ей хотелось ответить, что именно этим они и занимаются. Вместо этого она дождалась, пока шаги удалятся.

В детстве голос домашней системы говорил ей, когда нужно спуститься к автобусу. Спокойно, без уговоров: взять воду, надеть закрытую обувь, оставить крупные вещи. Она тогда никак не могла найти второй ботинок и боялась, что их не пустят из-за опоздания. Автобус ждал. Она помнила запотевшее стекло, материнскую ладонь, освобождавшую на нём кружок, и собственное облегчение, когда машина наконец тронулась.

О том, почему автобус отправили именно к ним и куда его уже не отправили, она узнала позже.

С тех пор Эвелин не требовала от системы доброты. Требовала, чтобы за каждым решением оставалось основание, которое можно предъявить живым. Если кого-то не успели спасти, должны сохраниться время, доступные средства, сделанный выбор. Без этого даже необходимая жертва становилась удобным словом для чужого равнодушия.

На экране напротив времени падения Рида не было решения вообще.

Она подтвердила запрет на восстановление и подняла приоритет сохранения записей. Теперь всякий, кто захочет его отменить, должен будет назвать себя.

* * *

Внизу стало тише. Управляющий увёл жильцов в мастерскую, где можно было сесть; за стеклом остались два пустых стула и забытый мокрый зонт. Рут по-прежнему держала сумку возле себя, но пальто расстегнула. Холт принёс ей чай в белой кружке с отколотым краем.

Майкл встретил Эвелин у двери.

— Проверяют квартиру для временного размещения. До подтверждения адрес никуда не отправляю. Здесь можно разговаривать: соседнее помещение освободили, Холт останется снаружи.

— Кто проверяет?

— Сотрудник районного отдела. По моему запросу, с докладом нам обоим. Патель ещё передаёт дело, я его не дёргал: там тоже люди ждут решения.

Она кивнула. Он помнил о чужой работе даже сейчас. Именно это всегда отличало его от руководителей, считавших срочность своего поручения достаточным объяснением любых потерь вокруг.

— Побудь пока здесь. Если понадобится уточнить про допуск, позову.

Майкл взглянул сквозь стекло и отступил, освобождая проход.

Рут поставила кружку на стол, когда Эвелин села напротив.

— Прежде чем начнём, я объясню, как будет записан разговор. Вы можете попросить перерыв. Если в чём-то не уверены, так и говорите; нам полезнее приблизительное время с оговоркой, чем точное, которое вы назовёте ради меня.

— А потом я смогу прочитать?

— Да. И внести замечания.

Рут выслушала остальное, внимательно глядя на индикатор записи. Имя произнесла полностью, дату рождения — с паузой, будто та неожиданно потребовала усилия. Когда формальности закончились, потянулась к чаю, но только повернула кружку ручкой к правой руке.

— Расскажите, как вы договорились о сегодняшней встрече, — попросила Эвелин.

— Томас написал вчера. Спросил, могу ли я зайти до начала работы. Я сказала, что могу.

— Это было обычное время для ваших встреч?

— Он вставал рано. Иногда звонил раньше, чем следовало бы порядочному человеку.

Она едва улыбнулась и тут же опустила глаза. Эвелин подождала.

— Вы пришли в шесть тридцать восемь. Что было дальше?

— Поднялась. Он открыл. На столе уже лежали вещи, которые нужно было посмотреть.

— Какие вещи?

— Бумага, держатели. Два старых вкладыша, края повреждены. Он хотел понять, выдержат ли они перемещение.

— Куда их собирались перемещать?

Рут провела ногтем по месту, где глазурь на кружке переходила в скот.

— Я проверяла состояние. Для этого необязательно знать адрес.

Эвелин отметила ответ. Женщина не сказала, что адрес ей неизвестен.

— Вы занимались только осмотром или также готовили упаковку?

— Подбирала. У старой бумаги слабое место не всегда там, где надорвано. Иногда лист целый, а стоит вынуть его из держателя — рассыпается сгиб. Томас это понимал, но ему хотелось всё разобрать сразу. С ним приходилось спорить.

Она впервые заговорила свободнее. Эвелин дала ей закончить описание, хотя могла бы прервать на второй фразе. Люди легче возвращались к неприятному, если им позволяли остаться знатоками хотя бы в чём-то одном.

— Сегодня спорили?

— О ткани. Он нашёл старую обёртку и считал, что она годится. Я сказала, пусть сначала посмотрит, чем её обрабатывали. Бывает, следы на носителе потом принимают за следы хранения, а это ты сам принёс их из собственного шкафа.

Пустая тканевая обёртка лежала рядом со стальным шкафом наверху. Эвелин записала вопрос эксперту, не прерывая разговора.

— Чем закончился осмотр?

— Я оставила рекомендации. Несколько вещей требовалось заменить. У меня в мастерской есть подходящие.

— Вы должны были вернуться?

Рут подняла голову.

— В течение дня я собиралась с ним связаться.

— Вы договорились о времени?

— После полудня.

На этих двух словах голос утратил прежнюю плавность. Не обязательно ложь. Обещание, данное умершему, могло вдруг оказаться единственной вещью, которую человек ещё в силах для него сделать.

— Что Рид сказал вам перед уходом?

— Чтобы я не торопилась. Что сначала ему нужно кое-что закончить.

— Работу с документами?

— Он не объяснил.

За дверью негромко разговаривал Холт. Рут прислушалась; Эвелин дождалась, пока она снова посмотрит на неё.

— Вы спрашивали утром, ждал ли он кого-нибудь. Я не видела другого посетителя. Никого не слышала. Если вы думаете, что я прошла мимо человека, а теперь его покрываю...

— Я пока восстанавливаю то, что вы видели сами. Он вышел вместе с вами?

— Нет. Пошёл к столу. Чайник ещё шумел.

— Дверь вы закрыли?

— Прикрыла до щелчка. Там тяжёлый доводчик.

— Через сколько вспомнили про инструменты?

Рут ответила не сразу. Эвелин попросила не искать минуты, а описать дорогу. Женщина дошла до угла, поправила под дождём застёжку сумки, увидела пустое отделение. Возвратилась тем же путём. После нескольких попыток открыть боковую дверь пошла к стойке помощи, где рядом с ней мужчина объяснял, что его заказ выдали другому человеку.

— Ему ответили сразу, — сказала Рут. — А мне всё предлагали подойти ближе. Я встала почти вплотную. Думала, может, из-за воды на лице.

— Он вас видел? Этот мужчина.

— Конечно. Спросил, не плохо ли мне. Я, наверное, выглядела... — Она махнула рукой. — Потом подошла женщина. Сказала, что я заслоняю ей считыватель. Я отошла, она получила ответ, а я опять нет.

Эвелин попросила разрешения сделать короткую паузу и отправила Леви описание обоих людей. Теперь их можно было найти в сохранённом изображении, сопоставив с обработкой. Рут наблюдала за её руками.

— Вы ведь уже знаете, что браслет исправен?

— Пока нет. Проверка идёт.

— Но вы мне верите?

Это был вопрос, на который слишком легко ответить утешением.

— Я считаю ваше описание достаточно серьёзным, чтобы проверять его независимо от сообщения об исправности. Если устройство сказало, что ошибки нет, разговор на этом не заканчивается.

Рут взяла кружку и впервые отпила.

* * *

Футляр обнаружили в кабинете, за стопкой пустых папок. Холт прислал изображение открытой крышки: тонкие щипцы, линейка, маленькая лампа, сложенные листы защитного материала. На одном инструменте виднелась перемотанная ниткой ручка.

Рут узнала его прежде, чем Эвелин увеличила снимок.

— Мой. Защёлка справа заедает, пусть не тянут силой.

— Передам. Вы позволите пока оставить его для осмотра?

— Если это действительно нужно. Мне нечем будет работать.

— Постараемся вернуть как можно скорее.

Эвелин не добавила «сегодня». Такие обещания успокаивали на несколько минут, а потом превращали следующую встречу в объяснение, почему сказанное больше не действует.

Вторая фотография показывала рабочий лист, найденный под защитным ковриком. Столбцы номеров, размеры держателей, отметки о состоянии. Внизу — две строки другим почерком. Рут долго смотрела на них.

— Верхняя моя. Я записала, какие края нельзя зажимать. Нижнюю он добавил сам.

«Перед упаковкой сверить последовательность».

— Последовательность чего? — спросила Эвелин.

— Томас считал, что вещи разложены неправильно. Когда документы много раз переходят из рук в руки, опись начинает описывать последнюю перекладку, а не то, что было вначале.

— Это были материалы из одного фонда?

— Я не устанавливала происхождение. Для этого у него были свои записи.

На этот раз оговорка прозвучала подготовленно. Эвелин отложила устройство так, чтобы между ними снова остался свободный стол.

— Рут, вы помогали готовить документы к передаче. Это следует из ваших слов и из того, что мы нашли. Я не прошу сейчас оценивать работу Рида. Мне нужно знать, кому предназначались материалы и кто ещё ожидал их сегодня.

За стеклом прошёл Майкл. Рут проводила его глазами, затем вернулась к Эвелин.

— Если вы найдёте бумаги у человека, вы решите, что он убил Томаса?

— Я спрошу, как он их получил.

— А если он не сможет доказать? Если всё было устроено так, чтобы не записывать лишнего?

Эвелин почувствовала знакомое желание придвинуться ближе, удержать момент, пока свидетельница сама подошла к тому, о чём молчала. Она осталась на месте.

— Тогда придётся проверять другими способами. Вы можете помочь нам не сделать поспешный вывод.

Рут посмотрела на индикатор записи.

— Я обещала не называть людей без необходимости.

— Томас погиб. Мне кажется, необходимость уже возникла.

— Вам кажется. А я утром тоже была уверена, что, если встать перед городской стойкой и попросить помощи, меня хотя бы заметят.

Эвелин выдержала её взгляд. Возражение было несправедливым по отношению к ней лично и совершенно понятным по отношению к тому, что она представляла.

— Поэтому вы сейчас разговариваете со мной. Я слышу вас и отвечаю за то, что сделаю с вашими словами.

— Вы отвечаете за всех, кто их прочитает?

Обещать это она не могла. Запись войдёт в дело, доступ к ней получают другие сотрудники; при необходимости его расширят. У следствия были правила именно потому, что никто не должен был единолично распоряжаться свидетельством. Впервые за разговор привычное объяснение показалось ей недостаточным для человека напротив.

— За порядок доступа — да. За решения каждого человека — нет. Но я могу фиксировать, кому переданы сведения. Если вам известна конкретная угроза, назовите её, и мы рассмотрим защиту.

Рут покачала головой.

— Пока не известна. Вот в этом всё и дело.

Разговор замер. Можно было сменить тон, назвать последствия сокрытия, потребовать изложить договорённости в присутствии представителя. Возможно, Рут уступила бы. Возможно, произнесла бы первое имя, которым сочла безопасным отделаться.

Эвелин вернулась к осмотру. Уточнила число держателей, расположение вещей, какие из них Рут брала в руки. Свидетельница отвечала охотно, чувствуя отступление, но не пользуясь им для новых жалоб. Когда дошли до описания обёртки, поправила собственные слова: спорили не о ткани, а о пропитке, и Томас с ней в конце концов согласился.

На прощание Эвелин объяснила порядок размещения и попросила сообщать Майклу обо всех попытках связаться с ней по поводу материалов Рида.

— В том числе если позвонит знакомый человек. Вам не нужно сразу решать, опасен он или нет.

— И вы попросите меня ему ответить?

— Сначала обсудим это с вами.

Рут кивнула без благодарности. Эвелин предпочла бы именно такой кивок поспешному облегчению.

* * *

Майкл стоял у окна в конце коридора. На подоконнике лежала карточка сопровождения, рядом — его перчатки. Он слушал доклад, чуть повернув голову, и Эвелин на несколько секунд увидела его таким, каким помнила из университета: человек в стороне от общего разговора, которому всё равно приходилось объяснять самое трудное.

Он заметил её и закончил вызов.

— Квартуру осмотрели. Можно ехать, когда вы закончите. Вход с улицы, без общей проходной. Дежурного поставят до нашего прибытия.

— Мы закончили на сейчас. Она признаёт подготовку передачи, но не называет участников. Не уверена, что имеет право.

— Или проверяет, что нам уже известно.

— Возможно. Я не хочу, чтобы это стало соревнованием. Дай ей немного прийти в себя. Если заговорит сама, фиксируй дословно, включая то, что покажется посторонним.

Майкл опустил глаза к карточке.

— Всё, что относится к делу, передам.

— То, что не относится, тоже может оказаться полезным. Она знает материалы лучше нас, но не знает, какая деталь нам нужна.

— Я понял.

На манжете у него темнел неровный след. Эвелин заметила его ещё наверху, когда Майкл показывал сообщение Леви. Теперь ткань почти высохла. Почему-то эта мелочь тревожила сильнее усталого лица: он всегда умел собраться, даже когда приезжал после бессонной ночи.

— Ты успел позавтракать?

Он посмотрел на неё с таким удивлением, будто вопрос пришёл из другого разговора.

— Успел. Почему?

— Потому что я нет. И начинаю завидовать каждому, кто проходит здесь с чашкой.

Уголок его рта дрогнул. Эвелин почувствовала облегчение, которого не ожидала. Значит, она сама тоже искала привычное выражение на знакомом лице.

— У Холта есть доступ к чайнику, — сказал Майкл. — По-моему, сейчас это самый полезный допуск в здании.

— Не говори ему. Он и без того заслужил повышение.

Несколько мгновений они молчали, глядя на мокрую улицу. Когда-то такие паузы не требовали объяснения. Потом он научился заполнять их деловыми вопросами, а она — уходить первой, чтобы не ждать, когда он снова отступит.

Сегодня ждать было некогда.

— Адрес размещения оставь в ограниченной части дела. В общую сводку — только то, что свидетельница под охраной.

— Уже сделал.

Она повернулась к нему. Хотелось сказать что-то ещё, выходящее за пределы поручений: спросить, что с ним на самом деле, напомнить, что не каждый ответ придётся заносить в протокол. Но за дверью Рут подвинула стул, и Майкл сразу посмотрел в ту сторону.

— Езжай с ней, — сказала Эвелин. — Я дожусь сверки здесь.

Когда он ушёл, она вернулась в комнату управляющего и закрыла запись разговора. В графе «Удерживаемые сведения» написала: «Получатель материалов. Характер договорённости». Посмотрела на две короткие фразы и добавила: «Причина опасений свидетеля не установлена».

Так было точнее.

* * *

Леви прислала сравнение, когда Рут уже вывели к машине. Эвелин видела через стекло, как Майкл придержал дверь, дождался, пока женщина устроит сумку, и обошёл автомобиль. Только после этого она открыла материалы.

На первом фрагменте Рут стояла перед боковым входом. Дождь стекал по козырьку, попадал ей на плечо; она переносила сумку из одной руки в другую и снова поднимала запястье. Справа разносчик поставил контейнер на землю. Возле его фигуры появилось обозначение присутствия. У Рут его не было.

На втором фрагменте мужчина у стойки помощи объяснял что-то, широко разводя руками. Рут ждала позади. Оба были видны достаточно отчётливо. Обработка выделяла только мужчину.

Потом к стойке подходила женщина. Рут отступала, пропуская её, и на короткое время все трое оказывались в одном изображении.

Система учитывала двоих.

— У Белл браслет отвечал, — сказала Леви. — Проверку устройства прошёл. Но для открытия входа нужно было также подтверждение человека перед панелью. Оно не поступило. И помощник у стойки обращался к ней как к удалённому голосовому запросу: предлагал подойти, чтобы продолжить обслуживание.

Эвелин увеличила лицо Рут. В записи уже было видно то, что она услышала в разговоре: сначала раздражение, потом стыд, желание отойти прежде, чем окружающие окончательно убедятся в твоей беспомощности.

— Периоды совпадают?

— Пересекаются. Точные границы в таблице. По Риду и Белл есть подтверждённые исключения. По фигуре за противопожарной дверью вывод осторожнее: лицо и часть тела закрыты, сравнение слабее. Я не буду утверждать, что выбрали именно её, пока не проверим соседние участки.

— Хорошо. А общая обработка?

— Продолжалась. Ошибок камеры нет. Здесь не выпадение всего участка: разносчик, мужчина, женщина, соседка с тележкой — каждый отражён там, где должен быть. Я проверила время по независимым отметкам.

Эвелин открыла схему связи. Дом и стойка обращались к разным устройствам, но часть обработки проходила через один районный сервис. Там, где утром казалось необходимым искать несколько неисправностей, теперь возникал один участок для проверки.

— Сохраните это сравнение отдельно от пояснения, — сказала она. — Чтобы другой специалист мог повторить вывод без наших слов.

Леви помолчала.

— Есть ещё кое-что. В начале я приняла отметку за обслуживание. Сейчас подняла полную запись. Перед интервалом меняется режим обработки. Изменение принято без ошибки.

— Известно, чем оно вызвано?

— Есть ссылка на служебное разрешение. Проверяю, соответствует ли она самому документу.

Эвелин выпрямилась. Из окна было видно, как машина Майкла поворачивает за угол. Она проводила её взглядом, затем отключила общий обзор материалов на своём устройстве.

— Не запрашивайте пояснений у владельца разрешения. Сначала сохраните всё, что доступно без уведомления исполнителя. Я оформлю основание.

Теперь требовалась осторожность другого рода. Поддельная ссылка могла быть оставлена для следствия; действительное разрешение могли украсть; законно начатую работу могли использовать, пока её исполнители занимались своим делом. Нельзя было выбрать версию только потому, что одна из них лучше отвечала страху.

Она направила запрос независимой проверки полномочий. В обосновании перечислила наблюдаемые события, не употребив слова «диверсия». Потом позвонила Холту и попросила задержать техника на месте до завершения сохранения данных.

— Он и так никуда не собирается. Говорит, теперь боится даже закрыть окно.

— Скажите, пусть работает с Леви. И уточните у врача мой вопрос о времени смерти.

Холт обещал перезвонить. Эвелин положила устройство на стол.

Чай остыл. Она всё-таки выпила несколько глотков, чувствуя на языке слишком крепкую заварку. На стене над столом висела схема эвакуации, выцветшая возле окна. Красная стрелка

указывала на боковой выход. При пожаре жильцов повели бы мимо той панели, у которой Рут утром пыталась доказать своё присутствие.

Пришёл ответ независимой проверки.

Эвелин прочитала его целиком, затем открыла приложенные основания. Разрешение существовало до происшествия. На момент применения не было отозвано; действующим оно значилось и сейчас. Проверка подписи завершилась успешно; запрошенная область действия соответствовала обслуживаемому участку.

Леви снова вышла на связь, но на этот раз не заговорила сразу.

— Вижу, — сказала Эвелин. — Подлинное. Теперь выясним, кто воспользовался.

— Посмотрите ниже. Не карточку разрешения. Результат сопоставления с выполненной командой.

Эвелин прокрутила документ.

Она ждала расхождения: превышения области действия, изменённого параметра, хотя бы указания на функцию, которой исполнителю не предоставляли. За годы работы она привыкла искать место, где чужая воля переступала отведённую ей границу. Здесь граница должна была проходить между обслуживанием городской системы и правом сделать человека незаметным для помощи.

Последняя проверка была завершена минутой раньше.

«Выполненное действие соответствует предоставленным полномочиям».

Эвелин убрала руку с экрана, словно могла ненароком подтвердить прочитанное.

Кто-то имел право отдать эту команду.

И это право всё ещё действовало.

Глава 3. Условия передачи

Замок открылся с таким громким щелчком, что Рут остановилась на пороге.

Михаил придержал дверь, пропуская её вперёд. За спиной, под козырьком, остался дежурный; вода капала с края его плаща на каменную ступень. Сотрудник, проверявший квартиру, ждал внутри, держа в руках снятую крышку настенной панели.

— Контроль входа здесь местный. Связь работает, вызов проверен. Окна во двор, второго выхода нет. Ключи пересчитаны.

Он показал на стол, где лежали два металлических ключа с одинаковыми белыми бирками. Михаил сверил номера с актом осмотра и прошёл по комнатам. Квартира занимала нижний этаж узкого дома: небольшая спальня, гостиная с кухонной нишей, ванная, пахнущая недавно нагретыми трубами. Над диваном висел выцветший морской пейзаж. На столе остался круг от чашки, который уборка сделала бледнее, но не убрала.

Рут стояла в прихожей, не выпуская сумки.

— Здесь кто-то живёт?

— Квартира для временного размещения, — ответил Михаил. — Ею пользуется районный отдел. Предыдущие жильцы уехали.

— А если вернутся за вещами?

— Дежурный свяжется со мной прежде, чем кого-либо выпустить.

Она оглянулась на дверь, за которой остался человек в плаще, потом посмотрела на панель. Михаил понял, что женщина сейчас выбирает, кому из них верить. После утра, проведённого перед исправными устройствами, присутствие живого дежурного, вероятно, весило больше его объяснений.

Он попросил сотрудника закончить акт и отпустил. Рут наконец прошла в гостиную. Поставила сумку возле стула, затем переставила на сиденье, подальше от батареи.

— Могу я уйти, если захочу?

— Вы не задержаны. Но я прошу сначала сказать мне. Мы договоримся о сопровождении.

— Вы сказали «договоримся». А если не договоримся?

Михаил положил ключи на стол.

— Я объясню риск и предложу другой вариант. Если возникнут основания ограничить ваши перемещения, вам сообщат, какие именно. Сейчас таких оснований нет.

Рут кивнула, запоминая ответ для дальнейшего употребления.

— Мне нужно позвонить в мастерскую. Там ждут человека с коллекцией переплётков. Он приедет через весь город и будет стоять под дверью.

— Можно. Только не называйте адрес, где находитесь.

— Я не всем рассказываю, где нахожусь, мистер Уорд.

Он принял замечание без улыбки. Улыбка могла бы показаться снисходительной, а сил терпеть снисхождение у неё, судя по лицу, больше не оставалось.

Пока Рут звонила, Михаил открыл окно служебной связи. В акте осмотра были перечислены обычные проверки: запираение, питание, средства вызова. Ни одна не гарантировала, что человек, имеющий нужный допуск, не превратит эту квартиру в место, куда никто вовремя не придёт. Ещё час назад он счёл бы такую мысль профессиональной осторожностью, доведённой до мнительности.

Позвонила Эвелин.

Он вышел в прихожую, оставив дверь в гостиную приоткрытой. Голос Рут доносился отчётливо: она объясняла кому-то, какие работы можно отложить и где лежит заказанная бумага. О смерти Рида пока не говорила.

— Разместились, — сказал Михаил. — Подтверждение охраны отправил. Что у вас?

— Исключения из обработки подтверждены по Риду и Белл. Устройства сохраняли изображение, остальные люди учитывались. Изменение режима принято по действительному служебному разрешению.

Он посмотрел на панель возле двери.

— Подлинная подпись или само действие в пределах допуска?

— И то и другое. Запрашиваю временное ограничение применения и сохранение связанной документации. Кто воспользовался разрешением, ещё устанавливаем. Пока не связывайся с обслуживающей организацией по общему каналу.

— Этот адрес относится к тому же участку?

— Нет. Леви проверила. Но я хочу, чтобы перемещения Белл подтверждались людьми. Любые изменения сопровождения — через тебя и меня.

— До смены дежурного сверю всё лично. Патель присоединится, как закончит передачу дела.

Эвелин на секунду замолчала. В тишине за её спиной слышался скрип стула.

— Она что-нибудь говорила в дороге?

— Просила отвезти в мастерскую. Объяснил, почему сначала сюда. Про материалы Рида не спрашивал.

— Хорошо. Пусть немного отдохнёт. Мне нужен разговор, в котором она не будет ждать подвоха в каждом вопросе.

Михаил сказал, что понял, и задержал устройство у уха, хотя соединение уже закончилось.

Рида могли убить, воспользовавшись настоящими полномочиями. В его собственной работе такой случай означал бы необходимость проверить кражу доступа, сговор, внешнее управление исполнителем. Он знал, как начать, какие сведения запросить первыми. Но теперь за каждой версией вставал вопрос, отсутствующий в деле: почему приказ забрать архив пришёл к нему именно этим утром?

Возможно, смерть Рида нарушила чью-то операцию. Возможно, стала её частью. У Михаила не было оснований предпочесть одно другому, кроме желания сохранить хоть какой-то порядок в том, что ему предстояло сделать.

Он вернулся в гостиную.

Рут завершила вызов и стояла у окна. В небольшом дворе напротив женщина снимала с верёвки бельё, забытое под дождём. Прижимала мокрые вещи к груди, раздражённо отбрасывая со лба волосы.

— Сюда тоже могут прислать распоряжение? — спросила Рут.

— Какое?

— Чтобы меня увезли. Вы сказали, здесь районный отдел. Значит, кому-то принадлежит право решить, что мне лучше в другом месте.

Михаил подошёл к столу, оставив между ними несколько шагов.

— Если что-то изменится, я сообщу вам сам. Не уходите с человеком только потому, что он знает вашу фамилию и показывает документ.

— А вы?

— Что я?

— Вы ведь тоже знаете фамилию и показали документ.

Он выдержал её взгляд.

— Поэтому у вас есть имя Эвелин Шоу и прямой вызов, который она оставила. Если сомневаетесь во мне, свяжитесь с ней.

Рут достала устройство, проверила сохранённый контакт и убрала обратно. Михаил почувствовал почти болезненное облегчение. Он дал ей способ защититься от него — и сразу же захотел считать это доказательством того, что ещё не перешёл окончательную черту.

* * *

На кухне нашлись чай, сухие хлебцы и две банки супа. Михаил поставил воду, проверил срок на банках и спросил, ела ли она. Рут покачала головой, но от супа отказалась: позже. Он положил хлебцы на тарелку и сел так, чтобы видеть прихожую.

Она сняла пальто. Под ним оказался тёмный шерстяной жакет, на локте которого ткань была аккуратно заштопана более светлой нитью. При движении рукава открывался край ожога. Михаил отвёл глаза прежде, чем она заметила.

Ему всё труднее было вспоминать утреннее описание без её голоса, без привычки проверять каждое обещание. В приказе возраст и особые приметы служили для узнавания. Здесь они принадлежали человеку, который ещё не позавтракал и беспокоился, что заказчик зря проедет через город.

Он налил чай.

— Коллеги продолжают осмотр квартиры Рида. Если там остались вещи, которым нужны особые условия, лучше предупредить сейчас.

Рут сразу подняла голову.

— Держатели не должны разбирать на общем столе. И пусть не снимают старые прокладки, даже если они грязные. Я говорила вашей начальнице про упаковку.

— В показаниях это есть. Я передам отдельное предупреждение тем, кто изымает материалы. Есть ещё что-то?

Она перечислила несколько простых требований, поправляя себя там, где точный порядок зависел от состояния вещи. Михаил записал, прочитал вслух, уточнил непонятное. Отправил Холту и дождался подтверждения.

Рут следила за ним, держа кружку обеими руками.

— Большинство сначала упаковывает, а потом спрашивает, что испортило.

— С испорченными доказательствами плохо работать.

— Не всё там было доказательством.

— Для Рида?

— Для кого угодно. Иногда это просто вещь, которая пережила людей, умевших её читать.

Она произнесла это без торжественности, словно объясняла разницу между двумя видами бумаги. Михаил подумал о сборнике карт, оставшемся на кухонном столе. Ему нравились такие вещи, пока одна из них не принесла приказ, после которого прежняя жизнь стала выглядеть недопустимой роскошью.

— Можно сделать копии до перемещения, — сказал он. — Хотя бы чтобы было с чем сравнивать состояние.

— Для состояния — да. Но Томас искал не только написанное. Копия покажет вам страницу. А если её вынули из одного держателя и вставили в другой, вы увидите ровно то, что вам предложили увидеть.

— Это можно установить по следам?

— Иногда. По краю, по тому, где лежала прокладка, по тому, как совпадают повреждения. Иногда нельзя. Я не обещаю чудес. Если всё разобрать, вы можете потерять сам вопрос, который нужно было задать.

Последние слова заставили его отложить кружку.

Утром требование получить оригиналы выглядело обычной предосторожностью разведки: копии могли оказаться неполными или поддельными. Теперь у него появилось другое объяснение, достаточно конкретное, чтобы быть полезным, и достаточно неполное, чтобы нельзя было опереться только на него.

— Рид просил сохранить последовательность, — сказал Михаил. — Шоу передала мне рабочие замечания. Вы знаете, что именно он сопоставлял?

Рут посмотрела на него поверх кружки.

— Я знаю, как он обращался с материалами. Зачем ему понадобилось складывать их именно так, спросить уже нельзя.

— У него оставались записи.

— Надеюсь.

Михаил почувствовал, что она закрывается. Он мог надавить на это «надеюсь», спросить, что должно было остаться и чего они не найдут. Вместо этого подвинул тарелку: Рут отломил хлеб, но так и держала кусок над коленом.

— Съешьте. Чай остынет второй раз.

Она опустила глаза и будто только теперь заметила собственную руку.

Молчание стало менее тяжёлым. За стеной прошёл дежурный, проверяя вход; коротко кашлянул, затем всё стихло. Квартира прогревалась медленно. От батареи пахло пылью, и Михаил подумал, что человеку, которого увозят из привычной жизни, следовало бы предлагать хотя бы тёплое помещение, где не нужно держать пальто под рукой.

Он встал, повернул регулятор отопления и принёс из спальни плед. Рут поблагодарила, положив его на колени. Это было первое спасибо, не связанное с какой-нибудь выполненной процедурой.

Михаил ощутил его как незаслуженное преимущество.

* * *

Сообщение от Пателя пришло без вызова: передачу дела закончил, готов получить поручение. Михаил отправил ему акт осмотра и порядок смены охраны, попросив лично проверить подтверждения. Затем открыл рабочую сводку. В ней уже появились материалы Леви, но имя владельца разрешения пока не было установлено для группы.

Рут смотрела на его устройство.

— Вы всё это сразу передаёте?

— Предупреждение об упаковке передал. Остальное внесу в сообщение для Шоу.

— Значит, если я скажу, где лежит вещь, за ней поедут люди, которых я не видела.

Он поднял глаза.

— Если возникнет необходимость изъятия, порядок можно обсудить. Вы сможете объяснить, как с ней обращаться.

— Я не про обращение. Человек может очень бережно унести то, чего потом никто больше не найдёт.

Михаил промолчал. Ему не требовалось воображение, чтобы понять её опасение.

— Вы хотите присутствовать при передаче? — спросил он.

— Я хочу понимать, что она вообще ещё имеет смысл.

Он ждал, не позволяя себе ни поторопить её, ни посмотреть на дверь.

Рут поставила кружку.

— Пока Томас был жив, он мог сказать, кому доверяет. Теперь вы спрашиваете меня о людях, которых я сама знаю только по его словам. Если я ошибусь, исправлять будет некому. Ваши документы говорят, что вы вправе спрашивать. Они не объясняют, почему я должна сделать именно то, чего от меня ждут.

— А что могло бы объяснить?

— Независимая проверка. Человек, не связанный с теми, кому передают. Возможность остановиться, если что-то не сходится. Без того, чтобы мне сказали: поздно, вы уже подписали.

Она говорила осторожно, словно проверяла предложенные условия вслух. Михаил не стал обещать ей всё сразу.

— Проверяющего нужно выбирать так, чтобы потом можно было защитить и его. И прежде чем кого-то привлекать, понять, что именно ему придётся подтверждать.

— Вы опять хотите, чтобы я сначала рассказала.

— Иначе я дам вам обещание, не зная, смогу ли его выполнить.

Рут некоторое время разглядывала край пледа. Затем сказала тише:

— Сегодня ведь ничего не собирались отдавать прямо на встрече. Там только проверяли бы человека. Материалы лежали отдельно. Никто не понёс бы их через город, пока не станет ясно, кому их вручать.

Михаил почти физически почувствовал, как изменилось расстояние между ним и лежащим на столе устройством.

В утреннем задании место и время означали для него путь к архиву. Теперь выяснялось, что это всего лишь первая остановка; даже без смерти Рида операция не закончилась бы там, где он рассчитывал получить комплект. Кураторы могли знать об этом и не счесть нужным объяснить. Могли не знать. Любой из вариантов делал Рут необходимой дольше, чем следовало из короткого приказа.

— Отдельно от квартиры Рида? — спросил он.

Женщина подняла голову. Взгляд стал настороженным.

— Я сказала больше, чем собиралась.

— Но это может означать, что часть материалов уцелела.

— Может. Не заставляйте меня сейчас выбирать, кому ещё доверить это предположение.

Он мог включить запись и попросить повторить. Мог немедленно позвонить Эвелин: свидетельница сообщила, что архив готовили к выдаче из другого места. Тогда вопрос получил бы номер, задачу, исполнителя. Возможность действовать первым исчезла бы, но расследование продвинулось бы ровно настолько, насколько он сумел его продвинуть.

Михаил взял устройство.

Рут напряглась, ожидая, что он сейчас сделает.

— Я внесу требования к сохранности, — сказал он. — Они нужны независимо от того, где находятся материалы.

Он набрал сообщение для Эвелин: не разделять носители и держатели до осмотра специалистом; сохранять прокладки и обёртки; порядок расположения может иметь значение. Добавил, что Рут опасается передачи неизвестному кругу лиц и просит обсудить независимую проверку.

О месте встречи не написал.

Палец задержался над отправкой. Эвелин просила фиксировать дословно, включая то, что покажется посторонним. Ему не удавалось даже притвориться, что он неверно понял её поручение.

Он сказал себе, что сначала нужно уточнить. Рут говорила об условном порядке, не назвала адреса, могла ошибаться относительно того, где Рид в конце концов оставил комплект. Сообщить непроверенное означало бы направить людей по ложному следу.

Но в других делах он передавал такие сведения с пометкой о необходимости проверки.

Михаил отправил сообщение.

Рут медленно откинулась на спинку стула. Она приняла его решение за осторожность по отношению к ней.

* * *

Патель позвонил из районного отдела, уточняя время смены дежурного. Михаил вышел к двери. В разговоре нашлось всё, за что можно было удержаться: фамилия прибывающего сотрудника, подтверждение допуска, порядок передачи ключа. Он проверил сведения, попросил не менять назначенного человека без нового согласования и услышал в ответ обычное, спокойное «принято».

Люди выполняли его поручения. Он всё ещё правильно выбирал меры защиты. От этого собственный поступок не становился меньше, хотя ему хотелось, чтобы становился.

Когда вызов завершился, на экране появилось подтверждение Эвелин: требования к сохранности направлены эксперту, независимого специалиста обсудят после первичного осмотра. В конце она спросила, удалось ли Рут поесть.

Михаил ответил: «Немного. Согрелась».

Он задержался в прихожей, слушая тихие звуки из комнаты. Рут переложила что-то в сумке, застегнула молнию. Он знал, что должен войти, продолжить работу, позволить ей отдохнуть. Вместо этого стоял, положив ладонь на прохладную стену.

Когда-то его учили ждать. Не требовать объяснения каждого поручения, не путать недостаток сведений с отсутствием замысла. В детстве это было легче: взрослые знали, что происходит, а ему оставалось выполнить свою часть. Позже он сам начал руководить людьми и научился замечать, как часто начальственное «вам необязательно это знать» прикрывает не тайну, а нежелание отвечать на неудобный вопрос.

Для собственной службы он продолжал делать исключение.

«СВОД» не обещал свободы, которой не собирался давать. Там хотя бы не заставляли называть зависимость выбором. Михаил много лет возвращался к этой мысли, когда западная жизнь становилась слишком убедительной: дружба, работа, женщина, с которой можно было остаться после окончания разговора. Мысль позволяла считать всё это привязанностями, не отменяющими долга.

Теперь она ничего не объясняла в судьбе Рут Белл.

Он убрал руку со стены и вернулся в комнату.

Рут разложила на столе содержимое небольшого бокового отделения: платок, коробочку с таблетками, карандаш, сложенную квитанцию. Увидев его, прикрыла квитанцию ладонью.

— Ищу номер человека, которого нужно предупредить, что мастерская закрыта, — сказала она.

— Можете позвонить. Правило то же: адрес не называем.

— Вы не спросите, кто это?

— Если звонок касается материалов Рида, спрошу.

Она убрала квитанцию, так и не воспользовавшись устройством.

Михаил не стал требовать объяснений. У неё была жизнь за пределами архива, и он пока не имел права считать каждое движение частью своей операции. Даже теперь, когда ему было выгодно именно так считать.

Он поставил суп разогреваться. Рут подошла к кухонной нише, взяла вторую тарелку и молча поставила рядом с первой. Обычный жест человека, привыкшего не ждать, пока за него сделают всё. Михаил уступил ей место у стола.

Ему предстояло каким-то образом связаться с кураторами в назначенный срок. Сообщить о смерти Рида, об охране посредницы, о том, что получение архива задерживается. Всё это были настоящие препятствия. Они позволяли просить время, не произнося слов, которых от него не ждали: я не знаю, смогу ли выполнить последний пункт.

До того как просить, он хотел понять, осталось ли у него что-либо, кроме чужого приказа.

Подтверждение полномочий он запомнил утром, вместе с условиями встречи. Несколько слов и контрольное обозначение — сами по себе они ничего не говорили о происхождении отправителя. Рут должна была узнать их. Пока он не предъявлял подтверждение, для неё существовал только Майкл Уорд, сотрудник Службы целостности.

Можно было показать его под видом находки у Рида. Это немедленно вызвало бы вопросы: где обнаружено, почему не внесено в опись, кто ещё видел. Можно было сослаться на закрытый источник, но тогда ложь пришлось бы поддерживать уже перед Эвелин. А можно было сказать Рут правду в той мере, в какой правда помогала: он и есть человек, которого она ожидала.

После этого прежнего разговора между свидетелем и защитником больше не существовало бы.

Он размешал суп, хотя в этом не было необходимости, и выключил нагрев.

— Вы говорили о проверке получателя, — произнёс Михаил. — Если человек предъявит подтверждение, о котором вы договорились с Ридом, вам этого будет достаточно?

Рут перестала раскладывать ложки.

— Достаточно для чего?

— Чтобы продолжить разговор о передаче. Или теперь потребуется другой порядок?

— Почему вас интересует именно это?

Он поднял тарелки, отнёс на стол и только тогда ответил:

— Потому что сегодня к вам могут обратиться люди, которых мы ещё не знаем. Мне нужно понимать, что вы сочтёте доказательством их права получить материалы. И что сделаете после этого.

Вопрос укладывался в его служебную задачу. Именно поэтому было так легко его задать.

Рут села, не прикоснувшись к ложке. Несколько мгновений смотрела на пар, поднимающийся над тарелкой.

— Утром Томас тоже спросил, что я сделаю, — сказала она. — Я ответила: то, о чём договорились. Он рассердился.

Михаил сел напротив.

— Из-за упаковки?

— Нет. Это было потом. Он сказал, что я слишком доверяю тому, что однажды решила.

Она провела ладонью по краю стола, словно проверяя, не осталась ли на нём влага.

— Он объяснил, почему изменил мнение?

— Сказал, что подтверждение может быть настоящим, а человек всё равно окажется не тем, кому следует отдавать. Я спросила, зачем тогда назначать встречу. Он ответил: чтобы узнать, кто придёт.

Михаил почувствовал, как под столом напряглись мышцы ног. Ему захотелось встать, хотя идти было некуда.

До этой минуты Рид оставался в его представлении человеком, чья смерть сорвала заранее подготовленный порядок. Теперь получалось, что архивист сам успел отказаться от этого порядка. И не сообщил всем, кто считал сделку действующей.

— Значит, передачу отменили?

Рут покачала головой.

— Изменили условия. Томас хотел сначала понять, через кого пришли эти люди. Прежнему получателю он больше не доверял.

На столе коротко засветилось устройство Михаила. Служебное уведомление. Он не посмотрел.

Рут продолжила, отчётливо произнося слова, которые, должно быть, весь день повторяла про себя:

— Томас велел дожидаться получателя. Но ничего ему не передавать. Сначала выяснить, откуда у него подтверждение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.